

Михаил Фридман

СО-БЫТИЕ

Баллада о неистовом себе

Москва
2010

*Татьяна Романова-Настина,
член Союза писателей России*

**М. Фридману по прочтении книги
«Нависть»**

Московские сумерки мягко крадутся вдоль неизбежно убегающих в прошлое многоликих улиц, светливых, настороженных, и, одновременно, нерасторопных вокзалов, медленно сгущаясь до состояния вечера. От пробежавшего мимо, по-ребячьи подпрыгивающего трамвая, потянуло весной.

За нескрываемой простотой сравнения колыхнулась, выстоявшаяся за зиму, желающая во что бы то ни стало вырваться и разлиться, смешаться с этой разреженной синевой, жажда обновления. Не спеша, шаг в шаг, мы ступаем за этой весной, беседуя о его, Мишиной, диссертации. Я держу его под руку, принимая участие в разговоре по принципу *говорю что вижу*, Миша терпеливо, скорее объясняет, чем рассказывает мне, механизмы нравственного воспитания ученика, раскрывает методические хитринки, позволяющие школьнику раскрыться до самоутверждения, до уверенности в том, *что он есть только он, и что у него есть свой путь, и что никто*

другой не может стать ни им, ни пройти его путь. Так происходит рождение личности... – Знаете, Т. Л., на моих уроках работают все ученики. Я обязательно найду такой вопрос, на который ребёнок знает ответ. Это очень важно...– и загорелся! Выгнулась, и, как в его стихе, метнулась остриём журавлиного клина, тонким высоким углом упираясь в небо, приобретшая образ брови, высказанная в слове, великая мысль учительства. Вот так - от строгой научной терминологии - к живому! Я смотрю на полыхающее пламя, мнущееся в глубине, всё же - сердца!- , неподкупно отражающееся в глазах, и вижу...белого медвежонка, растянувшегося на верхней половине обложки Мишиной книги. Что есть общего между этой детской непосредственностью и желанием непременно обретения собственного отражения путём опыта и завораживающей, передающейся собеседнику помимо его воли, огненностью, обладатель которой есть непременно идущий впереди?

Так выглядят новаторы, реформаторы, то есть *не равнодушные к миру*, в душе которых всё общее является личным, а значит и болит и радуется как своё личное. Так выглядят поэты...

Андрею Дондарову

Мой милый друг, доверься мне: я знаю,
Как обрести утраченные сны,
Где закопать скрижали на Синае,
Припрятав их до будущей весны.

Зарой талант: посе́й, чтоб вырос гений.
Распушенность цветка – не в наготе!
Источник уникальных ощущений –
Шестое чувство меры в темноте.

В познании дошёл до бельэтажа,
По облакам перебираясь вплавь
Луной индустриального пейзажа,
Мембраною, делящей Быль и Явь.

Во сне вся жизнь – одним мгновеньем ока.
Ты пишешь нитью в адовом кругу.
Хоть я не Бог – мне так же одиноко:
Я слышу, но ответить не могу.

Мой милый друг, прости мою надменность:
Твоя душа – коварный райский змей –
Культурно-историческая ценность
Нелепой биографии моей.

Твой образ берегу: он служит оберегом.
Едва сомкну глаза, мечту схватив за хвост,
Как прорастает Тень ветвящимся побегом,
Воображаемым премудрым Альтер-Эгом:
От Атмана в душе до самых дальних звёзд.

Незримый талисман! Отнять его не в силах
Ни бог, ни человек, ни дьявол —

лишь склероз.

Фотон моей души бликнёт в глазах унылых.
Армагеддона ждут почившие в могилах,
Не ведая, в чём соль в сухом остатке слёз.

Без витамина К вода не станет водкой.
Найти бы амулет, хранящий от любви —
Не то хитрец Харон к себе усадит в лодку.
Прошу тебя,

залезь рукой мне прямо в глотку,
Нащупай душу, вынь и молча разорви.

Александрю Ромашевскому

Я не уверен в том, что жизнь конечна,
В том, что однажды выключится свет.
Алоэ на окне уже сто лет
Следит за всем, что расцвело беспечно.

Луна на небе мандалой висит,
Листву пинает босоногий ветер,
А я печаль в своей душе приветил
И чуть ли не шепчу: “Ты ж одессит...”

Разверзлись хляби, твердь земная зыбка,
И город смотрит радужками луж
На хаос, на переселенье душ,
А я наярываю: “...где твоя улыбка?”

Алоэ не цветёт сто первый год –
В ответ на ядовитость олеандра.
И город с шума перешёл на мантры,
Ушёл в астрал и не вернулся. Вот!

Созрел Обыкновенной Недотрогой
Мой стих: я сам себе поставил пат.
Я не поэт, я просто телепат,
Улавливающий морзянку Бога.

Безумный мир – страна слепоглухих,
Блаженная – хотя и не святая.
В ней спиритисты призраков пытаются,

С пристрастием допрашивая их.

Но репутация небезупречна
У каждого пришедшего сюда.
Я повторю попытку снова – да!
Я не уверен в том, что жизнь конечна.

А.Б. Славиной

Когда придёт пора, и Я окуклюсь,
Обожествлюсь и буду пить нектар,
И облетит крылатый аватар
По гуглу мир, покуда не обуглюсь.

Есть сила лёгкости: до чёрных дыр
Ей дела нет, ей объяснять ребёнку
Судьбы спиралевидную воронку,
Которую он поглотит весь мир.

Любая эра не длиннее дня,
Но к жизни привыкаешь с первой ложки.
Вселенная – матрёшечка в матрёшке –
В матрёшке, так похожей на меня.

Александр Миньковскому

Научиться б жить с самим собою:
С генами, с характером своим,
С обликом, с мечтою голубою,
Поутру развеявшейся в дым.

Быть довольным, радостным, счастливым
От того, что ты есть у себя,
И не верить мудрецам сопливым,
Что живут, твою мораль долбя.

Не люблю себя, но уважаю –
Оттого копить мне тяжело...
Тот, кто тут добро приумножает,
Неизбежно умножает зло.

Вряд ли философия занудства
Справится в полемике с судьбой.
Жизнь сложнее ума, но проще чувства.
Научиться б только жить с собой!

Олегу Безинских

Не спрашивай меня –
я прячу взгляд понурый.
Листаю свой блокнот, потягивая грусть
Из мысли не седой, а зрело-белокурой,
О том, что я себя не знаю наизусть.

Дисперсию души не всем при жизни видно,
И память – эхо чувств –
не каждый слышит – нет.
За то, что я один – не стадно и не стыдно,
Зато я вижу звук и обгоняю свет.

Я каждый миг – иной:
проклятие со вспышкой!
И критика моя безжалостней огня.
Исчёрканный блокнот
давно хворает книжкой:
Как вылечить его – не спрашивай меня.

Не возлюбить мне ближнего никак!
Уже и к дальним отношусь терпимо.
К прохожим – тоже – проходили б мимо.
Причём тут Сианг Мин и Зодиак?!

Умней ума и грациозней граций,
Наивность опьянит сильнее, чем мак.
Ничто не огорчает в жизни так,
Как в самом близком разочароваться.

Размеров новых хорошо бы нам бы.
Мне говорят, что ямба себя изжил,
Что горизонты ямба – миражи.
А кто на свете откровенней ямба?!

Кто помогает людям осознать
Не только Вещь в себе – все вещи в мире?
Душе спокойней, кругозору шире –
Всё к ямбу возвращается опять!

Когда-нибудь для всех наступит амба.
Для всех – возможно – только не для ямба!

Татьяне Поляковой

Наверное, мне поздно верить сказкам –
Я должен знать о том, как наяву,
Бессвязность речи доверяя связкам,
Я персонажем сказочным живу.

Читатели следят за мною гневно,
Завидуя, что треном мне стал стул.
Меня целует мёртвая царевна
В надежде, чтоб я тоже с ней уснул.

Не косяками ль по душе улыбки
Снуют, когда я им ищу слова,
Держа одно желание для рыбки:
Чтоб назвала мне остальные два.

Я ухожу сиреневым рассветом
В бескрайний мир за немощной луной,
Играючи, с припевом недопетым,
Поверженным утрюмой тишиной.

И поселюсь один в зеркальном замке –
А как от одиночества спастись?!
Ты улыбнись, втянув на щёчках ямки,
Когда за мною вознесёшься ввысь.

Мы будем жить с тобой судьбой созвездий,
Шептать влюблённым на ухо стихи
И сватать пугги за крылатых бестий,
За фей, одетых в рифмы и духи.

Нас вечность ждёт – не тороплю с ответом:
Молчание согласно с тишиной.
Я ухожу сиреневым рассветом:
Пока светает – поспешай за мной.

Как трудно мысли наряжать в слова
И стричь их для завивки и укладки!
Моя судьба – отгадывать загадки,
Покуда не остыла голова.

У каждого попутчика – свой путь:
Ему – судьба, а остальным – измена.
Порою проще перепрыгнуть стену,
Чем человеку руку протянуть.

Ангелине Чекалиной

Проблем всё время выше гланд,
Всегда: не те, так эти.
Живи, чтоб откопать талант –
Нет, я не о монете.

Заманит для того, чтоб пнуть –
Удар её недюжен –
Судьба, решив когда-нибудь,
Что больше ей не нужен.

Жевать предчувствия свои
Ты можешь бесконечно,
Но вспять не потекут ручьи.
Помчится ль тень по встречной?

Жуёшь? Запутаны пути –
Не выбраться из стада.
Так выплюнь или проглоти,
А вот жевать не надо!

Мы с тобой друзья, друзья-в-контакте.
В нём на жизнь друг другу мы стучим,
Говорим, а вроде бы молчим:
Виртуален звук, но не характер.

Подарю рисованный цветок
С двоеточием и скобкой тупо.
Ты пришлешь рисованные губы
Да ещё напишешь слово “чмок”.

Павел Дуров фору даст Атланту:
Виртуальность тяжелей в разы.
Бьются в кровь олбанские мутанты,
Одолов обыденный язык.

Наркотична дружба – ежедневно
Мне приходит в голову само:
Поцелуй в реале, что клеймо,
Он лягушку превратит в царевну –
Чмокнет юзер – превратишься в чмо.

Научись просить, чтоб дали,
И привыкни к слову “нет”.
Сердце – это ль не скрижали?
Право – это ль не запрет?

На протянутой ладони,
Кроме веры, ничего.
Любомудр в мыслях тонет –
Тишина спасёт его.

Зазеркальные Алисы
Правы, но на них не ставь.
Делят жизнь уста-кулисы
Пополам на Явь и Правь.

Не тревожься о морали:
Чтоб хоть что-то удалось,
Щедро сей свои печали
В Навь и в Правь, и в Кривь, и в Кось!

Пчёлы – мёд, а свиньи – мясо,
И коровы – молоко.
Тут по-моему всё ясно:
Ясно, просто и легко.

Чем рот шире, тем мозг уже...
Нет IQ – есть только тест.
Людоведы! Почему же
Нас, людей, никто не ест?!

Таких, как я, на свете больше нет –
И слава Богу!
Поэт, философ, педагог, эстет –
Да, плюсов много!

Во мне звучит поэзия, дразня
Одной из Нарний.
А если б ты влюбилась не в меня –
В другого парня?

В другого? То есть в копию мою –
И думать неча!
Я за тебя надежду жадно пью –
За нашу встречу!

Римме Чиркиной

Когда-то люди все святыми были,
Из Нави в Правь ходили налегке,
И взоры – не уста – приносили
Слова на допотопном языке.

Наследственность преследует с пелёнок:
За одного нам всем гореть в аду,
Где грешником становится ребёнок,
Сперевший яблоко в чужом саду.

Марии Добролюбовой

Не требуй невозможного: быть другом.
Любимой – да, конечно. Другом – нет!
Да разве ж это пропасть – 8 лет?
Запрячь Пегаса и пойди за плугом.

Подняться ввысь и осмотреть батут.
Влюбиться в ту, что кажется слепую.
Когда-нибудь, поняв, чего я стою,
Исчезну прочь, тебя оставив тут.

Отравлена надежда белладонной.
Тру бороду – отвержен Черномор –
И сердце жжёт Медузою-Горгоной,
И душу в камень обращает взор.

Сам себя на все страницы запер.
Переплёт уже не даст вздохнуть.
И печалью завалило грудь.
Удивляюсь, как ещё не запил.

Без наркоза жизнь нельзя терпеть,
А с наркотом можно, но недолго.
Истина вершится втихомолку,
Лучший стимул для надежды – плеть!

Как не заскучать от норм и правил?
Воздвигая ханжеству музей?!
Кто б меня избавил от друзей –
От врагов я б сам себя избавил.

Раствлён сомнением и совращён надеждой,
Отравлен ревностью и грустью опьянён,
Шрамированный дух под плотью и одеждой
Из глубины зрачков следит за мной –
ШПИОН.

И настроение на радуге распято,
Ветвится триффидами мозг, дразня крота:
Его вселенная великой тьмой объята –
Во тьму засасывает чмочно пустота.

И ощущениям уже нет точной меры:
Их жизнь становится азартною игрой,
Но в дивном мезальянсе Марса и Венеры
Мелькает третий лишний чёрною дырой.

Мне кажется, я сплю, и это только снится.
Кусаю локоть... оба... снова и опять,
И нету сил в руке перевернуть страницу,
И нету сил в груди до точки дочитать.

Наталье Вуль

В глазах необъяснимая печаль:
Чем дольше жизнь, тем медленнее муки.
Поэзия точней любой науки:
Кто смотрит под ноги – не смотрит вдаль.

Сворачивай налево и направо,
Карабкайся на пик, сползай с горы,
Бунтуй, живи по правилам игры –
А всё равно никто не крикнет: “Браво!”

Мозги для мысли – лабиринт. Не ной,
Никто не сочинит иной сценарий:
Просторный склеп и тесный колумбарий –
Всегда есть выбор – не всегда он твой!

“Пожалуйста” – вот сдача для “Спасибо”!
Да как тут не скатиться на хулу?!
А ты воскликни что есть силы: “Рыба!”
И что есть силы стукни по столу!

Ю.С. Власовой

Вдоль поребрика плетусь неспешно,
Озираясь с трепетом окрест.
Пасмурное небо безутешно:
Проглотило свет в один присест.

Созерцая город крупным планом:
Памятники, мостики, дворцы –
Разглядел Растрелли с Монферраном,
Их карандаши и их резцы.

Ожила из камня Галатея.
После к ней слепцы-поводыри
Приковали, словно Прометея,
Экс-богиню утренней зари.

Лепота в лепнине и нелепость,
“Ух, ты” – к ощущениям редиф.
Дремлет Петропавловская крепость,
Грозно небо на кол посадив.

Участью сиротскою и вдовьей
Тишина до плача изошла.
Скачет живоде́р из Подмоскoвья
По щиту двуглавого орла.

Слёзы превращают сердце в мякиш.
В полдень залп из пушки – на-гора!
Нет, за что же не любил Шемякин-
Скульптор императора Петра?!

Крепость исполинов-великанов.
В склепах спят цари мертвецким сном,
В казематах Александр Ульянов
Молится и просит об одном:

Не о годах, взелене увядших –
О кресте, который МЫ несём.
Разве полагаются на младших
Старшие и первые во всём?!

В камере сидит писатель Пешков,
Ждёт Октябрьский переполох.
Тем, кто в жизни выбирает решку,
Здесь – уединённый уголок.

Стало ясно в этой лишь связи мне,
Что я – зык, когда я без костей.
Что всегда одни штурмуют Зимний,
А другие в Смольном ждут вестей.

Этот город создавали люди,
Конкуренты Господа – творцы.
Охраняют голову на блюде
Все: грифоны, сфинксы и шицзы.

Греют ночь ростральные колонны,
Освещая Одиссеям путь.
Чижик, принимающий поклоны,
С мелочью не может упорхнуть.

Я такой же. Наблюдаю с вышек
За народом, сытый сибарит.
Не грифон, не сфинкс, а Чижик-пыжик –
Сложный синтетический гибрид.

Здесь обитель истинных поэтов,
Прячет их крылатый ипподром
Среди монстров, между раритетов,
Вне кунсткамер, созданных Петром.

Тут стоят огромные атланты,
Царское добро в руках держа.
На железный занавес таланта
Не способна покуситься ржа.

По Дворцовой распростёрся невод,
Множество Гапонов бдят в толпе.
Ангел грозно пальцем тычет в небо,
Встав на Александровском столпе.

Смысла я в истории не понял,
Предков осуждать – не для меня.
Я им верю. Вон как лихо поднял
Император на дыбы коня.

Покорится всяк беспрекословно,
Будучи опорой третьей там,
Где “пустое сердце бьётся ровно”,
Глядя на Исаакиевский храм.

Что сегодня вспоминать про это?
Вера амнезией хороша.
Да, не вынесла душа царя – поэта!..
А у президента есть душа?

Я уверен, нынешний Онегин
Искренне голосовал бы ЗА...
Здание двенадцати коллегий
В море бюрократии – слеза.

На гром-камне гордый Медный всадник –
Пушкин был интуитивно прав:
Царь – солдатик оловянный – ратник!
Бронза – медно-оловянный сплав.

Розовые линзы телескопа
Открывают фантазёрам вид
На красоты дивной Азиопы,
Где царь-плотник лодку мастерит.

Чтоб уплыть, посеяв споры-зёрна,
В отчий край заезжей красоты
По реке забвения, где Норны
Развели Калиновы мосты.

И.Л. Соловьёвой

Лечу свою хандру ароматерапией,
Пью сладкое вино молдавских изабелл
И думаю о том, что биться с тиранией
Великого Нельзя я с детства оробел.

Я слёзы прячу в дождь,
а мысли – в сновиденья.
И в паспорте моём – ни строчки про меня.
Коварная судьба – прелестная Дуэнья,
Отдам полцарства за крылатого коня.

И полечу в хандру, к своей прабабке Голде,
Спросить совета впрок, сбежав от пустяков.
Мой аленький цветок –
Раффлезия Арнольди,
И чудище живёт во тьме моих зрачков.

Но как же тесен мир: живым тут места мало,
Поэтому мы смерть не можем превозмочь.
Вдыхаю аромат хандры со дна бокала,
Мешая жизнь и смерть
вина в нём день и ночь.

Дарье Чумаковой

Сосредоточен на своей персоне:
Отслеживаю изменения
От проявляющейся в явь просони
До сладкого изнеможения.

Смотрю за тем, что происходит в мире.
Во внешнем? Нет! Во внутреннем моём,
Где измерений сто сорок четыре,
Где кубометрами не счесть объём.

Там Эго – супер! Вместо тени – Alter!
Там архетипы – без сознания.
Там личность наряжается в... гештальты,
В надежде у меня отвлечь внимание.

Там сладко, горько, солоно и кисло...
Там жирно, остро, пресно, пряно... там
Из ощущений вырастают мысли
И шастают за Эго'м по пятам.

Там темперамент темперой малюет
Меня – несуществующую тварь,
Ид в мандалы мои грехи пакует,
Об имени моём молчит словарь.

Там фразы тише всех моих суждений,
Живущих в разуме – не по понятиям!
Там каждый ген талантливей, чем гений
Жизнь коротает за пустым занятием.

Сорвёшь былинку – попадёшь в былинку.
Увидишь ведьму – тут же попроси
Чуть эндорфина, чуть серотонина –
Не чарку, как ведётся на Руси.

Двуличен я? Столичный мэр – столичен.
Мне до него, как до меня ему.
Я верю только лозунгам и спичам,
Не заморачиваясь почему.

Возможно, потому что счастлив ими ж
И дальнозорок без мировоззрения.
Я спрятал Я-концепцию за имидж
И деятельность всю свёл к поведению.

Трансакций нет – нет подходящей темы.
Измерь акцентуацию мою.
Я из потребностей ращу проблемы,
Которые не по зубам IQ.

К дыханью холотропному привык, но
Мне нужно нечто большее, чем шанс.
Меняю внутриличностный конфликт на
Такой же когнитивный диссонанс.

В электроэнцефалограмме иктам
Так тесно, как на этой вот строке.
Я наконец-то стану аподиктом...
Забуду всё...пойду жить налегке.

На шее Норне затяну горжетку
И по рукам дам – не разрежет нить!
А ты меня повалишь на кушетку
И спросишь: “Хочешь это обсудить?”

Я недобрый – я об этом знаю:
Лучше бы мне этого не знать.
Мир передо мною пеленою –
Мне б нырнуть в холодную кровать.

За окном шуршит июльский ливень,
И сверкает линия судьбы.
Град-кабан – в окно: за бивнем бивень.
Прозелиты хором оземь лбы.

Двор и сквер равняются на ветер.
На скамейке жалкое никто...
А ведь я, наверно, мог быть этим...
Зайкой, в ливень брошенным Барто.

Этот зайка с лавки слезть не может –
Жаль его, но он не нужен мне.
Горький взгляд! Его не ливень гложет,
А мужик, маячащий в окне.

Дмитрию Куликову

Смысл жизни – прост он или сложен –
В чём он? – спотыкаюсь каждый раз.
В том, чтоб жилы рвать и лезть из кожи,
Добывая углекислый газ?

Чтобы убеждаться, что ты атом,
Жизнь твоя – химическая связь?
Мат тому, кто, изъясняясь матом,
Окунает ощущение в грязь!

Всё идёт по замкнутому кругу,
Смысл – это вовремя понять,
Чтоб не обессилить от недуга,
Веря в то, о чём нельзя узнать!

Смысл жизни в том, что жизнь – на время!
Смысл жизни жизнь переживёт!
Смысл жизни – в сладостном экстриме
Знать, что жизнь не та и мир не тот.

Смысл жизни – мучаться и мучить!
Ты участник участи своей!
Эта участь и твоя живучесть
Заставляют маяться людей.

Не тобою был твой жребий брошен.
Первый крик младенца – это знак!
Смысл жизни – прост он или сложен –
До сих пор не разберусь никак!

Сделай рокировку – будет анаграмма:
Переставь местами в слове пару букв,
И в пределах слова ты увидишь драму,
Фарс – другой сценарий, для детей и внуков.

Наш язык задуман чересчур толково:
В лексиконе Музы царствуют рабы.
“ВеРность” или “РеВность”?

Нужно выбрать слово,
Слово – для Начала, компас – для судьбы.

Сегодня рассмотрел тебя вблизи:
Твой взгляд темнее и пьяней цифиря
И тяжелее трёхпудовой гири –
На мне в нём – след протектора в грязи.

Сегодня познакомился с Душой –
Обильной, разноцветной, многозвучной –
И подстрелил меня крылатый лучник,
Прикинувшийся тутошним Левшой.

По радио Маккартни пел “Мишель”!
Твой голос в голове... Мой бог, как сладко!!!
Крылатый лучник выстрелил в десятку,
Попал в десятку, но не в ту мишень.

Александрю Куренкову

Мне страшно то, что мне совсем не страшно
Растрачивать судьбу на жор и сон,
Что на своём Арго я не Ясон,
Что весь Арго - в кораблике бумажном.

Я стану чуть седей и чуть лысей,
И в одностишья впишутся катрены.
Прозрею в том, что я не Одиссей,
Что мне поют не так... не те сирены.

Где дерево? Где дом? Где сын? Мой путь -
Тропа? Нет, поэтические тропы.
Не разглядеть, так вовремя б смекнуть:
Нить Ариадны – в нити Пенелопы!

Огромный мир – открытая ладонь,
Где линия извилисто и влажно
Растрачивает жизнь на Жор и Сонь,
И страшно от того лишь, что не страшно!

М.Я. Ивановой

Скорый поезд обгоняет время,
Двигаясь настойчиво на юг.
Вечер обещанием беремён,
Поит звёзды из дрожащих рук.

Видно, как переживает море,
Лунный свиток нервно теребя.
Треск цикад в морзяночном сатори,
Словно телеграмма от тебя.

Заплутав меж веймутовых сосен,
Меж каштанов и акаций, я
Погружаюсь в бархатную осень –
Опьяняет релаксация.

Гладь морская мягче, чем перина,
Море шепчет благостную весть.
На душе – зелёной ветке Грина –
Алый парус начинает цвести.

Дует бриз, в гортани привкус соли.
Вольно: ни ментов нет, ни вояк.
Минарет Иосифа Стамболи
Выситя над морем, как маяк.

По чугунной ковальной ограде,
Где шестиконечная звезда,
Вьётся виноград за Христа ради,

Провожая взглядом поезда.

Выпив симферопольского квасу,
Я иду вдоль набережной, где
Подают такого пеленгаса (!),
Плававшего в тутошной воде.

На лотках цепреи и ропаны.
Коктебель с Массандрою – в розлив.
И бузят обманутые паны
За другие развитые страны,
С Батькивщины так и не свалив.

Я слежу за спором безмятежно –
Не сеньор, не господин, не сэр –
Вильно, самостийно, незалежно
Вспоминая жизнь в СССР.

Украшают ценную бумагу
Гетман, Украинка и Кобзарь,
Но на том же троне Кара-Дага
Восседает тот же самый царь.

И Джур-Джур роняет ту же воду
Так же, как и 30 лет назад.
И медведь, не ведающий мёду,
Также прячет под воду глаза.

И хотя сейчас другая эра:
Нагишом кого смутишь уже? –

Тут стоит безрукая Венера
Под ротондой в полном неглиже.

В древности с руками оторвали,
А теперь кому она нужна –
Статуя из мраморной печали,
Искренностью праведной полна?

Думаю о море, как о боге –
Маринистом трудно быть вторым.
Богом данная – омоет ноги
Всеми, кого ведут дороги в Крым!

Дмитрию Иванченкову

Никто не хочет жалости!
Обидно, даже очень,
Когда желают в шалости
Тебе “с покойной ночи”.

Известно всё заранее,
И, шлёпая по лужам,
Не трать своё внимание
На тех, кому не нужен.

Ничуть не лицемерю я.
Я плачу, но не ною.
Сперва крадут доверие,
Затем – всё остальное.

Андрею Ансимову

Время ложкой атомы мешает,
Создавая ВСЁ из ничего.
Ничего ничем не улучшает
То обыденное волшебство.

Этот мир – один огромный Lego:
Раскрепляй его, скрепляй, меняй.
В чём-то “микро” он, а в чём-то “мега”,
В нём сосуществуют Ад и Рай.

Это траектория для ложки,
А для диалектики – спираль!
Та же книга, но в другой обложке:
Честный человек страшней, чем враль.

Ум, кочуя по библиотекам,
На запястье время стережёт.
Зря считают честным человеком
Все того, кто не нарочно лжёт.

Заложник эротических фантазий,
Избранник девяти - жених одной,
Я музам повествую про Синай -
Единственный на каждой из Евразий.

Деревья – топлес, ветер – нагишом,
Июльский день пропах цветущей липой.
Гроза за мной, как дед за малышом,
Следит, поникнув "шахом" или "рыбой".

Мне кажется прямою каждый луч:
Я обгорел... теперь, как блин - в сметане.
Я тлею, млею, блею на диване...
А ливень запер улицу на ключ.

Признаться и исчезнуть навсегда,
Смущаясь от предчувствия обиды.
В порыве примитивного стыда
Замкнуть в себе два проводка шахида.

Нередко слово “да” звучит в отказ:
Хоть согласиться, только б отвязаться.
Легко солгать, когда не видишь глаз,
Где блики ярче вспышек папарацци.

Хотел услышать “да...” – услышал “да!”
Ну! Знак другой – и что такого?
Так это ж знак! Знамение!!! Всегда
Знак, интонация сильнее слова!

Без каждого из нас не полон этот мир!
Год, месяц, день и час, фамилия и имя –
Нам не принадлежат: мы их зовём своими!
С рождения берёт нас Время на буксир!

Знакомлюсь сам с собой всю жизнь –
а может зря?
Тот познаёт себя, кто постигает время.
Я пью на Рождество запойно только с теми,
Кто отмечал его шестого октября!

Когда-нибудь уйду, оставив много места,
Которое займёт потомок - Alter-Я -
В очередных слоях живого палимпсеста -
Не тень, но силуэт в зеркале бытия!

Анатолию Апостолову

Надежды нет: печаль неутолима.
Как хочется вдохнуть и помолчать!
Почувствовать, как тело жмёт в плечах,
Поняв: реальность – непреодолима.

Жизнь длится столько, сколько длится страх.
Жизнь-шлягер не исчезнет, став ремиксом,
Хотя и новообращённый прах
Аид развеял по ветру над Стиксом.

А.Н. Кондратюк

Нищий духом или шизофреник?
Миротворец или конформист?
Не молитва, а аутотренинг
Разделяет на страницы лист.

Мысль о счастье – вот он, мой Сусанин! –
Завела меня в глухую топь,
Чтоб нашёл последний могиканин
В горизонте правильную дробь.

Ужин – с некошерным эскалопом:
Чем вкуснее, тем вреднее снеть!
Списываюсь в чате с эскулапом,
Спрашивая, как бы похудеть.

Нету – ни за деньги, ни без денег –
Счастья в жизни, счастье есть в стихах.
Не взирая на аутотренинг,
Всё живое обратится в прах.

Всех заблудших, всех, на ком креста нет,
Через долгих десять тысяч лет
Михаил свет *Фениксович* встанет
В пепле тьмы и поведёт на свет.

Мне кажется, я начал понимать,
Что видимый глазам участок спектра
Моей судьбы: от искорки до пекла –
Задушит осязаемая тьма.

Тьма чёрной кошкой перережет путь,
Сломав дорогу перпендикуляром.
Когда-нибудь я стану очень старым –
Настолько, чтоб на истину чихнуть.

И поверну за этой чёрной кошкой
Сквозь изморозь в надежде на Потоп
За Книгой Мёртвых лунною дорожкой
К Анубису во тьму – айлуорофоб.

Смеркается. Звёзды выходят
В вечерних в ночное на хмарь.
И нынче всё так же, как встарь,
Хотя и по-новому вроде.

Забросишь свой невод и ловишь
Принцессу, жующую лайм.
Красавицы любят чудовищ
Заочно, в режиме оффлайн.

Отвергла... готова быть другом...
Зажмурившись, может обнять,
Обделаться лёгким испугом
И бегством спастись от меня.

Алексею Алмаеву

Не истина ли мухой укусила?
Душа свернулась эмбрионом в стих
С аденозинтрифосфорною силой
Доверчивости клеток стволовых.

Огромный мир меняется синхронно –
Не вступишь, узнав, что неспроста
Свои гоняют белую ворону –
Чужие гонят чёрного кота.

Все роли заняты – кем быть? Собою!
Живи и мимикрируй! Или нет:
На чреве ползай, в небо голубое
Забросив невод, чтоб скачать ответ.

Зачем ты здесь? Возможно, грубый промах
Случайной выборки, брак ДНК.
Друзья перерождаются в знакомых,
Спустя сто лет, в мгновение щелчка.

Ты ищешь на ладони след печати
И веришь мудрости небесных тел?
Вся жизнь пройдёт в аккаунте и в чате
И ты уйдёшь за фразой: “не успел...”

Панентеисты тоже верят в чудо,
Их садомазохизм без психодрам.
Моя душа – не Барби – кукла Вуду,
И я её колю стихами сам!

Нет, я не мог тебе ответить “да”,
Хотя бы потому что не умею.
Твоя любовь – я так измотан ею,
Что насмерть умираю от стыда.

Да. Да! Да!! Да!!! Конечно, да!!!
Но не сейчас, не здесь, не в этом мире –
Не в этой жизни, а в иной: в эфире,
Куда ведёт нас общая звезда.

Зачем ты хочешь слышать это “да”?
Оно – успокоительное зелье,
Оно не льётся соловьиной трелью,
На нём от чувств ни тени, ни следа.

Люблю тебя и всех люблю – да-да!
Я всех, меня – никто и никогда.

Махачу Вердиеву

Не каждому дано увидеть суть,
Не каждый должен рассуждать об этом.
Не каждый, кто рифмует, стал поэтом,
Способным хитрый разум обмануть.

Познание – оно сравнимо с жаждой.
Не каждому дано постичь азы.
И вера эффективнее в разы,
Ведь верят все, а думает не каждый.

Светло и пасмурно: свет есть, а солнца нет.
И этот свет рассеянной Эйнштейна.
У грусти привкус тёплого глинтвейна,
Подсесть к камину, замотавшись в плед.

В окне парашютирует зима
Белёсой дрянью целый день – так много,
Что в пору думать: это перхоть бога –
Окно белее белого бельма.

Достать поэта и с ухмылкой злою
Взглянуть в окно, где бесится пурга,
Подумать громко про себя: Ага!
Я крою бурю матом, буря – мглою!

Питаю чувства постною надеждой
Ещё разок услышать твой отказ,
Ещё один разок – в сто первый раз
Увидеть взгляд лукаво-безмятежный.

Влюбить в себя и бросить невзначай,
Стереть улыбку с уст, как след от мела.
А я люблю отчаянно и смело!
Зачем тебе признался сгоряча?

Зря страсть до безрассудства гипертимна!
Зря выжимает грусть из мокрых глаз!
А воля мозгу отдаёт приказ:
“Люби себя – оно всегда взаимно!”

Евгению Азарову

Читаю по ладони чертежи
Провального сценария премьеры.
Не в стадном чувстве ли, лишённом меры,
Суть социализации, скажи?

Я фотосинтезирую мечту
И сумасбродство выдаю за гений.
Цепной реакцией путь умозаключений
Отыщет в энтропии красоту.

Я посетитель выставки умов,
Где в экспозиции – стереотипы.
Ищу для Вавилонской башни СНиПы –
Я присмотрел ландшафт семи холмов.

На пастбище сомнений рос вопрос,
Теперь – гранитно-мраморные плиты.
В коллекции отборных женских слёз
Нет той, что обо мне была пролита.

Закат – для солнца строгий приговор,
Но девять жизней мучают лишь кошку.
Несут, несут мочёную морошку...
Всё! “Занавес” – воскликнул режиссёр.

Знать, всё, что было, было понарошку.

Вы писатель: Вы теперь в Союзе.
Я критиковать Вас не берусь.
Воспеваете Святую Русь.
Носите громадный крест на пузе.

Пишете стихи о куполах,
О берёзах и о русской водке,
О войне, о голоде-не-тётке,
Лень рифмуя с горем пополам.

Хвалите всё то, что было прежде,
Критикуя всё, что есть сейчас.
Нам, поэтам, далеко до Вас:
Нас и провожают по одежде.

Ваш словарь – в нём что ни слово – глядь,
Идиома – нет страшнее пытки.
Можете подписывать открытки,
Даже стенгазеты оформлять.

Не краснеет толстый альманах,
Переев рифмованной отравы.
Эпигоны хором вторят: “Браво!”
Прочие: “Чур-чур!” или “Нах-нах!”

Пишете, как дышите – охотно,
Выделяя углекислый газ.
Сборник Ваш страшнее хука в глаз,
Если слушать – то ушам щекотно.

Вырастаю в хохоте на треть,
Граф-Аман – не ухо – член Союза.
Я хочу увидеть Вашу Музу,
Хочется в глаза ей посмотреть!

В этой жизни мало думать стыдно.
Всё, что пишешь – пишешь в чистовик.
Мне в нём очевидного не видно,
В точке помещается тупик.

Все твои секреты – не на долго,
Всё, что прячешь – прячешь от себя.
Голова – не блендер – кофемолка,
Тарахтит, на мысли жизнь дробя.

В старости до немоты обидно:
Некому посетовать на рок.
В этой жизни много думать стыдно:
Ты не выучишь её урок.

В жизни разуверился сполна я,
Истина на вкус всегда горька.
Кто не думает, тот точно знает,
Как прожить мне без черновика.

Серьёзный дядька робок и невинен:
Печальный взгляд, усы и борода.
Ни девушки, ни ведьмы, ни богини –
Бегущею строкой в глазах года.

Тесна ему просторная квартира,
Стихам бы предпочёл живую речь,
Смирившийся с несовершенством мира
И с невозможностью нечастых встреч.

Что ждёт его в конце? Сюрприз в конверте,
Макеты, пугачи и муляжи?
Живёт с одной мечтой – о лёгкой смерти,
Которую непросто заслужить.

Сутул и толст, обидчив и ехиден
Кузнечик счастья, сеятель быльи,
Но одному ему на свете виден
Гештальт Сознания и Бытия.

Сатори он передаёт словами,
Схватив за хвост в галдящей тишине.
Он оборотень: ходит между вами
И, чистя зубы, в очи смотрит мне.

Клубок судьбы распутает за строчку,
И гения укоротит на ген
Войдёт в квартиру – нет! – залезет в бочку,
Циничней, чем великий Диоген.

Сдох Золотой Телец в его корриде.
Инсайты превращаются в стихи.
Боготворят, боятся, ненавидят
Все, коим трижды спели петухи.

Он тридцать лет плурует по пустыне –
Нет искушений, кроме одного:
Спалить дотла все вирши о богине,
Сменяв на счастье это волшебство.

Серьёзный дядька – тот ещё ребёнок:
Он щурится от солнечных лучей,
Смущается от похвалы девчонок.
Он демон. Он всеобщий и ничей.

Я не думаю, что ты
Ждёшь серьёзного:
Торт, шампанское, цветы –
Лучше поздно. Во

Глубине твоих очей
Тьма бездонная.
Я люблю погорячей,
Угломонная.

Подмигнул тебе: айда,
В утро раннее.
Ты ответила мне: “Да.
До свидания!”

Лунный камень – мутная стекляшка,
Млечный отблеск ледяной тоски,
Тусклый свет в окне пятиэтажки,
Где с тобою были мы близки.

Это не кулон и не подвеска,
Это талисман и амулет,
Аргумент неоспоримо веский
В подтверждении того, что нет.

Нет любви, какой бы ты хотела.
Не заманишь – сколько ни колдуй!
Помню, как на ощупь видел тело,
Перепрыгнув через поцелуй.

Запыхался, раскачав качели,
Оседлав стреноженную прыть.
Лунный силуэт виолончели...
Как мне свой талант в тебя зарыть?

Ты разбогатела – я ограблен.
Лунный камень в этом виноват.
Икс и Игрек вместе в мутной капле –
Мезальянс абсцисс и ординат!

Я тебя перебирал руками,
Будто полз с фонарного столба.
На тебе мой жидколунный камень,
В нём талант и целая судьба!

Ты не любишь – я об этом знаю.
Связки в горле затяну узлом.
Жил, себя собою проклиная,
Оставляя счастье на потом.

Оставлял, но так и не оставил,
И Потом донине не пришло.
В жизни много самых честных правил –
Соблюдать их очень тяжело.

Я слежу за тем, как трёшь свой носик,
Как твой взгляд с тылов обходит мой,
Как твоя душа прощенья просит,
Будто просится пустить домой.

Как ты дуешь щёки, тянешь губы,
Умирая на глазах дрофой,
Как гудят фаллопиевы трубы
В унисон с рифмованной строфой.

Дуэлянткой сорвала перчатку.
Козырная дама – к королю!
Ты меня не любишь – вот загадка! –
Почему же я тебя люблю?

Потому что знаю, как ты можешь
Посмотреть, сказать, поцеловать,
Потому что точно знаешь тоже,
Что сюда воротишься опять.

Сдашься мне ты... сдашь себя в починку.
Серый взгляд прозреет, став синей.
Стоит! Стоит выделки овчинка,
Раз волчица затаилась в ней.

Видел силуэт твой из окна я,
Поспешил атлант свернуть ключу.
Ты не любишь – я об этом знаю,
Но молчу...

Души говорят на разных языках.
Кто их переводит, тот слывёт поэтом.
Нет прозаика, чтоб не лез с советом,
Укачав себя... на своих руках.

Монолог души совестью зовут,
Диалоги душ – дружбой и любовью.
Слушать тишину – разве это труд?
В тишине душа завывает вдовью.

Души говорят – разве их поймёшь?
Только в одиночестве чувствую, как дома.
Изобрёл себя. Лгу и верю в ложь
О себе... себе, как никому другому.

Семёну Пегову

Эти брюки не помнят стрелок:
Все – в морщинах. Им хорошо.
Ткань их выцвела, постарела,
Не поможет и порошок.

Эти брюки штанами стали,
Эти брюки для сильных ног,
Закалённых – из прочной стали:
Он другими дойти б не смог.

В них живёт и шагает бодро
Тот, кто, глядя в глаза судьбе,
Верит в бога, в пустые вёдра.
В чёрных кошек – и врёт себе.

С тобою говорить отнюдь не интересно.
Когда целуешься, ты выглядишь умней.
Ты ощущаешь жизнь
 так узко, плоско, пресно,
Что, кажется, совсем, не думаешь о ней.

Возьми свои цветы, допей свои коктейли,
Но не касайся слов помадой спелых уст.
Мы через поцелуй окажемся в постели,
В пустыне лживых слов,
 в объятьях честных чувств.

У Аристотеля, Платона и Сократа
Учился мудрости – увы, не помогло.
Я бедно жил, но чувствовал богато –
Мне честным было быть нетяжело.

Я верил людям, не копил обиды,
Не лез к ним в душу в поисках вины
И растранижил на тех флюиды,
В кого бы плюнуть, только жаль слюны.

Признав себя персоною *non grata*
В стране, где нормой жизни лоховство,
Я растерял незнание Сократа –
Теперь совсем не знаю ничего.

Растворяясь в предрассветной хмари,
Говорю Большому Никому:
“Электронов, даже тех, по паре –
Трудно человеку одному”.

Пусть улыбка кажется оскалом
Часто, кто улыбчив, тот зубаст.
Кто живёт свободным радикалом,
Тот на очень многое горазд.

Не купить за золото Макены
Мудрость звёзд и нежность бересты.
Созидатель: воздвигаю стены –
Лучше б перебрасывал мосты.

Ты пробуждаешь странные желания
И чувства фиолетового цвета
В застенчивости пылкого поэта,
Застывшего в зеркале мироздания.

Ты взгляд мой держишь не на поводке,
Не на цепи. А на своей орбите.
Я тридцать третий даже в алфавите,
А от тебя и вовсе вдалеке.

Я жертва сублимации либидо,
Смешён до слёз, как веселящий газ.
Как масло и вода, мы: Я и Аз –
Не смешиваются у нас флюиды.

Я смешиваю их, но не смешно.
Игривый камень в золотой оправе
Прикинулся Лукой и облукавил.
Застенчивый, я снова за стеной.

О, нет! Ничто не чуждо Квазимоду:
Ни аромат цветов, ни трели птиц,
Ни мудрость истлевающих страниц,
Ни трепет к заколдованной колоде.

Он не один от злости хмурит брови,
От боли плачет и от дури ржёт.
А уязвимые места? Ему ль не жжёт
Их чувство, что шипело в Казанове.

Он одичал от хищников в рассудке.
На счастье ли подковою спина?
Он свято верит лести проститутки,
Хоть ложь её по-своему честна.

Он не такой? Он хуже нас? Неужто?
Нет, плоть его истлеет в тот же прах.
Он сдюжит всё – ему ничто не чуждо,
Лишь зеркало – окно в бездонный страх.

Не знал тебя - жил дешёво-сердито,
Не ощущал ни ауру, ни нимб
И собирался после смерти в Лимб;
Теперь же - хоть в Аид, хоть на Олимп:
С тобою крылья - без тебя копыта.

Зелёным плюшем лиственного леса
Застелена не пройденная даль,
Где принца ждёт столетняя принцесса,
Монаха – орден, дурака – медаль.

Там мёрзнут звёзды в предрассветной рани,
Метеориты ночь из стали льёт,
И молятся им инопланетяне,
Отлаживая новый звездолёт.

А я живу, зову табу законом,
Ношу синтетику вместо шкур.
Вся будущность на плюшево-зелёном,
И, как лемур, уставилась *la amour*.

Подобных нет: все люди уникальны,
Как карты, где и двойка есть и туз,
Как вишни, так похожие печально –
У каждой свой неповторимый вкус.

Одной рубашкой, под одною кожей
Сокрыты ядра – брызги ярких звёзд.
Те ядра, как две капли, непохожи,
Их гороскоп неповторимо прост.

Погаснут звёзды, и остынут ядра,
Не станет астероидов и планет.
И ты пересечёшь черту экватора
Из жизни, где есть смысл, в жизнь, где нет.

Человек неизменен веками
С той поры, как он с дерева слез.
Ну, не краеугольный же камень
С философским мог спутать ликбез!

Свято верит любой небылице.
Затянули на нем поясок
Каравай из ветвистой пшеницы
Да берёзовый с мякотью сок.

Урожайность развесистой клюквы
В пору, чтоб накормить одного.
Не слова ли, предшествуя буквам,
Составляли основу всего.

Делим время на дни и минуты,
Мир – на кварки, а жизнь – на грехи.
Диктатура анархии-смуты
Облачает призывы в стихи.

Помолиться б – да с чем к Нему(?) –
не с чем(!),
Трепыхаясь в сетях кутерьмы.
Чем дороже становятся вещи,
Тем дешевле становимся мы.

Максиму Харченко

Суетись, чтоб в груди не стихал стук.
Жизнь – молекула-полимер.
Мы кроим из слюнявчика галстук,
Генералы песчаных карьер.

С каждым выигрышем интересней,
Если солнца нет, будет ли тень.
Нет заразней на свете болезней,
Чем уныние, зависть и лень.

Только тот, кто болеет взрывчаткой
Так, что мысли и чувства вразлёт,
Оставляет на всём отпечатки
Слов и пальцев; тот всю, без остатка,
Не планирует жизнь, а живёт.

Клён вышел на тропу войны с зимою,
С зимою – бледнолицею сестрой,
И боевой раскрас дожди не смоют,
Ветра не сдуют – срубят новострой!

Топор войны строитель откопает –
Потомок знаменитого Балды –
И срубит им... и скосит клён Слепая,
Оставив кирзачёвые следы
Да перегар от огненной воды.

Снегирями расцвела рябина,
Мандаринами пропах весь день.
За окном размытая картина,
И пригrelась в голове мигрень.

Ёлка в расклешённом камуфляже
С аксельбантом пляшущих гирлянд.
Брешь в душе, и грусть горчит и вяжет,
И Сервантес смотрит на сервант.

На стекле отсвечивают рожи
Пустомелей – мельниц ветряных.
Мелют каждый год одно и то же:
Дон Кихот охотился на них.

Год прошёл как soundtrack – без пауз:
Пара дней в слезах и день без слёз.
Разве обнадёжит Санта Клаус,
Если не утешил Дед Мороз?!

В зеркале вот-вот взорвётся мина.
Зайцем скачет по ветру пакет.
Снегирями расцвела рябина,
Только праздника на сердце нет!

Патологоанатом языка,
Пегасовал и музоед – мой критик.
И как боится стать довольным нытик,
Так он боится не попасть в века.

Кислы его эпитеты, зловонны,
И заставляют морщиться людей.
И бездарь, если он ещё злодей,
Придумывает всем свои законы.

Цедит он через ситечко слова
И рифмы препарирует пинцетом.
Он никогда не сможет стать поэтом,
Он знает, сколько будет дважды два.

Не нужно звёзд – дожить бы до заката,
Найти мечту и больше не искать,
И загадать над плахою у ката
Желание: прийти сюда опять.

Два цвета для последнего плаката
Смешать в один и повернуть жизнь вспять.
Да, знала б зебра то, что полосата –
Так не ходила б в Африку гулять!

Александр Краевой

Воздух помутнел от снегопада,
И печалью взор заволокло.
Одиночество – моя отрада :
Лёгкость, от которой тяжело.
Не признаться и не опровергнуть!
Не поцеловать и не забыть!
Кто интуитивно-достоверно
Начертил мне линию судьбы?
Обрести надежду и растратить
На любовь, на грёзы, на мечты...
Нет! Любовь всегда приходит кстати –
В миг, когда себе не нужен ты.

Ивану Пятыхкину

Догорает тусклая лампада,
И глядят с углов и с полок – пусть! –
Наадреналиненные взгляды
На нечеловеческую грусть.
Эту грусть не высказать словами,
Эту грусть не выплакать в слезах,
Эта грусть не о прекрасной даме,
Ярче звёзд, целебней, чем Нарзан.
Ею разжигают мысли пламя,
С ней теряют смысл свой слова.
Эту грусть не выплакать словами –
Разве что в стихах расколдовать.

Расцветает нежностью душа -
Этого не передать словами.
Тонет грусть в надлунной звёздной яме,
Вылив ночь из малого ковша.

Словом "нет" надежду отрави,
Убаюкай сладостные грёзы.
Пусть в груди замолкнут соловьи,
Не меняя подиумной позы.

Тесен воздух мне в моём доме,
Где блуждает призрак беспокойный.
Я пойму, я сразу всё пойму
И уйду не гордо, но достойно.

Ты увидишь демона во сне:
Наяву нет демона – есть черти –
И взаимностью ответишь мне
Перед смертью, в смерть и после смерти.

Весь вечер ждёшь желанного итога:
Шаманом пляшешь, соловьём поёшь.
Самозабвенно пеленаясь в ложь,
Она глядит доверчиво и строго,
Чтоб заросла обратная дорога.

Ты к ней спешишь: полцарства за коня!
И вот итог! Свершилось!!! И полмира
Готов отдать за то, чтобы меня
Прогнали утром из моей квартиры,
Где заблудился призрак счастья сирый.

Заснёт чужой, чтоб утром стать твоей:
Мила, красива – только нелюбима.
И замолчит печальный соловей,
И перейдёт душа на пантомиму.
В одной квартире вместе, врозь и мимо.

О жизни. Нет, жизнь (!) пишет человек.

Жизнь не разбить на строфы и на главки
Ни мне, ни тем, кто в Главке – никому.
На электричке мчусь по Ярославке,
Пунктиром света рассекая тьму.

Не знаю, как, а знал бы – не признался,
Как лаской, раскалённой без огня,
Ты беса изгоняла из меня,
А я в ответ стонал и улыбался.

Без возложения рук, свечей, молитв –
От поцелуев и прикосновений.
Как на стене боролись наши тени,
Не с Богом ли боролся прозелит?

Я по ошибке был благословлён,
Опередив соперников косматых.
Зря совесть квазимодит в казематах:
Таких, как я, счастливцев, миллион.

И вот мы сцеплены с тобою в мудру.
Душа устала тщиться, чтоб говеть.
В ней борется две силы: “Кама-Сутра”
И “Молот ведьм”.

Николаю Романову

Плесень остывающего солнца,
Симбиоз живого с неживым.
Альбиносы, как и альбионцы,
Мы живём по правилам своим.

Тут у каждого своя валюта,
Собственные слоган, гимн, герб, флаг.
Мир один на всех, но почему-то
Не ужиться в мире нам никак.

Литосферу с плесенью сравнил я...
Так и есть – не знаю почему.
Не хорал пою, а Инезилью –
Серенаду Богу своему.

И принцесса рядом, но возни с ней
Столько, что милей любая казнь.
Мы знакомы с нею с прошлой жизни,
С прошлой жизни эта неприязнь.

И таких на свете миллионы.
Для чего они все? – вот вопрос.
Я, наверно, белая ворона –
Санктиспиритуса альбинос.

Селиму Алахярову

Мокрый взгляд, переливаясь тайной,
Опустился якорем в гортань.
Совість входит думой непристойной
В ночь-полночь и в сумрачную рань.

Я открыл себя в 20-ом веке,
В 21-ом изобрёл себя.
Вырезал из книг в библиотеке,
Вылепил из чёрствых кулебяк.

Я рукой маньяка-арманьяка
Прикоснулся к мозгу – как он мал?! –
На рефлексах Павлов съел собаку,
Голову на яблоках сломал

Тот, кто знал, что жить на свете тяжело:
Всё живое тянется к земле.
Я родился в карточной рубашке,
В мир влетел мячом с ноги Пеле.

В мир влетел и вылетел, как нитка
Сквозь иголку в опытных руках.
Взял свой дом с собою в путь – улитка!:
Аура моя мне велика!

Джинны – вон – сбежали из бутылок,
Рвётся дух мой, запертый в душе.
Я лежу, держа в руках затылок,
Под тяжёлою мечтой... туше!

Прагматики живут долго,
Романтики живут вечно.
Скисает молоко. Только
Не скис покамест путь Млечный.

Политики живут долго,
Фанатики живут вечно.
Кто знает, много ли толку
В том, чтоб идти к людям по встречной.

Любимые живут долго,
Влюблённые живут вечно –
Расстригою-кардиологом
Предсказано и замечено.

Священники живут долго,
Монахи – все – живут вечно.
Нательный – легче иголки,
Дороже он, чем заплечный.

Поэты не живут долго...
Герои их живут вечно.
Жизнь – плата по долгу
Прервавшего бесконечность.

Много ли я знаю о науке?
Верю ли в увиденное я?
Глянь, Создатель, как вот эти руки
Разрушают прелесть бытия.

Проверяю этот мир на прочность
На глазок, на ощупь и на зуб.
Верю в приблизительную точность
Стоимостью в детскую слезу

И в порок считать себя пророком,
Сорок дней постящимся в Москве.
В карме Запад сходится с Востоком,
Тишина со Звуком – в голове.

Кто есть Бог? Кто носит мир в мольберте,
Мир таким, каким он должен быть.
Смысл жизни найден в смысле смерти –
Чтоб работать. Роботы-рабы!

Кто-то скажет: “Спятил! Бога ради!”
Этот кто-то – поползень и слизень.
Всё, что человек поймал во взгляде,
То и Путь, и Истина, и Жизнь!

Думал долго: посмотри-ка,
Что первично под луной?
Кто на свет приходит с криком,
Тот уходит с тишиной.

Сколько звуков я не слышу,
Сколького не вижу я?
Голос с возрастом всё тише,
В голове – ворожея.

Тат святой до святотатства
Видит Бога без икон...
Их невидимое братство
В слове “тетраграмматон”.

Жизнь проходит с понтом мимо.
Я молчу... я нем... я рад...
Рад тому, что пантомима
Содержательней тирад.

Рукокрылые немые
Воздухом рисуют мир,
Где отсутствуют прямые,
Где бессилен транспортир.

Тишину дробя на звуки,
В воздухе выводят вязь.
Неизвестная науке
Генетическая связь.

Созерцал метаморфозы
Терпким взглядом старика.
Ствол шершавый у берёзы,
Как небритая щека.

Белокора, белокура
От корней до меристем.
Корни помнят Эпикура,
Ветви видели тотем.

Говоришь, что я безбожник.
Путь мой – в дальние края,
Где попутчик-подорожник
Ждёт, когда порежусь я.

Вьются локоны вопросов,
С неба в звёздах смотрит сныть.
Суета – отличный способ
Много времени убить.

Бег на месте. Солнце – к югу.
Мчишься к белой полосе.
А часы идут по кругу
И уходят дальше всех.

Н.А. Гуценко

Агатодемон – добрый бес –
Хранит мою юдоль.
Прикосновение небес
Мне причиняет боль.

Здоровый дух в больной душе
Тоскою утомлён,
В нём мыслей из папье-маше
Бесстрашный легион.

Но полководец, божий раб,
Молился не тому.
Обрюзг, одрях, ослеп, ослаб
И спрятался в тюрьму.

А я, обычный человек,
Чешу рельефный лоб.
Готовя узнику побег,
Я делаю подкоп.

Когда на волю выйдет он,
Схватившись за предсердь-
Е, поведёт свой легион
На искреннюю смерть.

Пегас мой в черепае своём
Мне припасёт змею.
Спускаюсь в Кастальский водоём

И с рыбами спою.
Сношу семь тел, продам сто душ,
Уйду, себе грубя,
Сквозь оглушительную глушь
Прочь от себя: в себя!

Марине Филатовой

Без тебя опустела глумная душа.
Непривычно вести диалог с тишиною.
Мысли, чувства мои – и они не со мною.
Пью медвежью печаль из большого ковша.

Бес упрямо в конвульсиях бьётся в ребре,
Я в разлуке старею быстрее, нестарый,
Убеждён, нам не стать идеальной парой,
Я теряюсь в аккордах знакомой гитары,
Зачехлённой уж месяц как в чёрной чадре.

Я теряюсь в себе, прототип Плохиша,
Я замотан в сомнения, тутовый кокон.
Ни чело, ни уста, ни ланиты, ни локон –

Ничего не забудут глаза этих окон,
Это память бумаги и карандаша.
Облетел календарь, отцветает душа.

Записываю всё, чего не знаю –
Блокнот кишит невежеством моим.
Окно?.. нет, в рамке корчит рожи мим.
Увидел мир огромный из окна я.

Вскользь мимо мима просочился взгляд
Того, кто ждёт знамений, тайных знаков.
Боюсь, меня бы поддержал Булгаков:
Не рукописи – авторы горят!

Разносчик схоластических советов,
Внимая, подозрительно притих.
Важнее очертания предметов
Пространство между контурами их.

Пространство это – не пустое место,
Невидимый участок спектра. Сглазь!
И ощутишь девятый вал протеста
И отношение твоё к ним, и их связь.

Любовь и смерть – ну, чем они похожи?!
Ни к той, ни к этой не найдёшь слова,
Но вдохновенье в них одно и то же:
Когда душа томится, плоть мертва.
Один: что на одре, что на постели –
В агонии бьюсь, как в сетях осётр.
Ингредиенты одного коктейля
Из трубочки тяну – да неужели! –
Тогда как надо залпом выпить всё!

Л.М. Куц

Грустный имидж скомороха –
Улыбаться вопреки.
Иногда бывает плохо,
Но не плакать всё-таки.

Я смеюсь без разрешения
Над святыней несвятой:
Крестик – это украшение –
Дорог тем, что золотой!

Крестик есть, ума притом нет:
Идол – тоже божество.
Все грехи чужие помнят,
А свои – ни одного!

Хорошо быть скоморохом!
Смех, он смех, когда всерьёз.
Я смеюсь, когда мне плохо.
Я смеюсь, смеюсь до слёз.

Анне Зарубиной

Я вижу сон: вблизи (подать рукой) –
Для красок этих нет достойных рамок:
Висячий мост над бешеной рекой,
Стена кирпичная в плюще,
булыжный замок.

Округа тает в трелях соловья,
Надушенный платок благоухает,
Звучит романс, звучит – не утихает.
Окно, веранда под окном, бурьян:
Она в окне, он под окном, тут я.

Я смотрю на братьев-россиян:
Лилипутов или великанов.
Бог людей создал из обезьян,
Люди превращают их в баранов!

Посмотри вокруг и обалдей,
Жизнь вспять:
от Эйнштейна до Конфуция –
В оскотинивание людей
Тупиковой ветвью эволюции.

Сколько тут теорий, догм и вер?!
Немцев ли, французов ли, татар вина?
Вижу то, что видел Гулливер
До Ламарка и до Чарльза Дарвина.

Е.Р. Кузьминой

Я, мудростью развенчанный,
Не разобрался, stupid,
За что так любят женщины
И девушки не любят.

Известно всё заранее
О жизни. Спорить с нею,
Поняв, что боль познания
Познания важнее?

Пусть жадно ищут многие
Ответ на звёздном небе.
В моей этимологии:
Ребёнок – юный ребе.

Я стану старше дедушки
И вырву мудрость в зубе,
Меня полюбят девушки,
А женщины разлюбят.

Пике и в штопор – вот он мой полёт!
Я двух Начал, двух ангелов инцест.
Я тот, кто не работает – не ест,
И тот, кто рискует зря – не пьёт.

Казалось бы, не мальчик – урезонь
Себя, начни всё с чистого листа,
Но чьи-то очи, длани и уста
Шаманят, разводя во мне огонь.

Я начинаю день, как жизнь, с нуля
И поднимаюсь день на свой этаж.
Что для Пегаса высший пилотаж,
Для бумеранга мёртвая петля.

Адреналином пахнут страсть и риск.
Я с пика с пикой в пики и в пике.
Счастливые страдают налегке!
Моя душа – премудрый василиск!

А всадник я, и у меня копьё.
Что делать? – риторический вопрос.
Чернила высыхают раньше слёз.
Чужим для всех становится твоё.

Несколько часов всего осталось
До подорожания – спеши!
Давит срубленная ель на жалость,
Выжимая слёзы из души.

С каждую минутой ближе к Богу,
Стало быть, и к Страшному Суду.
Боже мой, как праведников много
На Земле у нас – имей в виду!

В каждом холодильнике – продбаза,
В каждом телевизоре – фигляр:
Ржёт – хохлы останутся без газа –
Санта Клауса заморский дар.

Натовский шпион спешит тверёзым
В первые минуты января,
Но не спутать с дедушкой Морозом,
С фирменным, каких уж нет... а зря.

На него все воют: псы и волки.
“Джингл беллс” с очками на носу.
Песня о живородящей ёлке
Заплутала в прошлом, как в лесу.

Дракулы вместо Бармалеев,
И Кобзон в светящемся новье.
С ним два вещих старца: “Менделеев”
И достопочтенный Оливье.

На эстраде клоуны и барды.
Сцена как скрипучая кровать.
Нет хлопушек – продают петарды,
Будут и гранаты продавать.

Без работы чуть не две недели,
Бой курантов, но сперва Медвед.
Ждали зиму, месяц проглядели:
Снега или мало или нет.

Оптимисты отмечают праздник:
Каждый поднимает тост и пьёт.
С каждым годом тоще наш запасник...
И за что мы любим Новый год?

Грущу на скамейке, не ждя улучшений.
Мне хочется встать на четыре ноги
И время догнать, но беги – не беги,
Ночь целится в окна, как будто в мишени,
И их выбивает одно за другим.

Смотрю на часы за настырною стрелкой:
По кругу вперёд – вот-те, Гегель, спираль!
Когда между близкими смертная даль,
Становится Лета спокойной и мелкой,
Ты топишь надежду – всплывает печаль.

Сперва ждёшь чуда...
Приедается... в сон клонит...
Не в радость Новый год,
Он старый год догонит.

Ты счастье разобьёшь
На счастье: дни – осколки.
Повесь из мишуры
Лапшу на уши ёлке.

И чуда жди весь год:
А может и нагрянет,
Пока куранты бьют...
Когда тебя не станет.

Сначала бьют часы,
Потом приходит чудо,
А не наоборот.
Загадывать не буду!

Бестолковая болтовня –
Слышишь только себеподобных.
Кто – за мной, а кто – от меня:
Жизнь – погоня: нерасторопных

Ждёт достойная смерть – она
Не от пули и не от дыбы.
Свет в конце туннеля – блесна,
Человек – разновидность рыбы.

Замучили: что времена? Что нравы?
Не покидает страждущих покой.
Три раза влево или раз направо –
Нет разницы по сути никакой.

Не стоит мир ни клеветы, ни лести.
Меняется не мир, а ты, мой друг.
Как ни вертись, а ты стоишь на месте –
Стоящее всё вертится вокруг.

Воспоминания о том, чего не знал,
Сплетаются в венок цветных фантазий.
Любить – любил, но так вот не страдал.
Бывало всё: и мёртвый штиль, и шквал,
Но этого не ждал ни в коем разе.

Разбился в щепки, разлетелся вдрызг,
Распался весь на прах с песком и пылью.
Не то, чтоб сам пошёл на этот риск,
Я слушал дух, его предсмертный визг –
Надорвалась надежда от бессилья!

С тех пор мои глаза всегда пусты,
В них много грусти, пресной и порожней,
И Байроновский сплин точь-в-точь
похож с ней.

Я думал, что стою у гробовой плиты...
На свете нет реальности надёжней
Заветной, но несбыточной мечты!

Я отдышу отмерянный мне воздух,
Отслушаю отпущенный мне звук.
Неторопливо оглянусь вокруг
И разгляжу вплотную небо в звёздах.

В стоваттной лампе встрепенётся джинн,
А за окошком помелом былинным
Омар Хайям с Хаджою Насретдином
Развеют пыль над пропастью во лжи.

За жизнь не обессилел так, как за день.
Заклею свищ в душе на виски-скотч
И позвоню своей Шахерезаде,
Позвать на тысячу вторую ночь.

Сплю: одно и то же
Снится у стены.
Чем дороже ложе,
Тем страшнее сны.

Безобразны лица,
Скрежет, стон и гам,
И всё время снится
Чёрт-те что к деньгам.

Сны рисует Роршах.
Лучшее из лих –
Деньги! – снов хороших
Не купить на них!

Вечерняя молитва вдохновляет
На встречу с бессознательным своим.
Огонь в агонии вздымает дым,
Рассудок жертвою испепеляя.

Торшер зажётся сразу – по щелчку,
И замер мозг в неэстетичной позе,
И жизнь продолжилась в анабиозе,
Подставив Богу левую щеку.

Мечтая об иной ретроспективе,
Я поднимаю прошлое на флаг,
Осознавая всё, что в нём не так.
Я верю, что кого-то осчастливил.

Что ты смотришь так сердито
На воришек, имярек?
Нет опаснее бандита,
Чем голодный человек.

Люди добрые осудят –
Тяжко свой лишь крест нести.
Сытый воровать не будет,
А голодного прости!

Внимание приковано к мечте,
Душа растворена воображеньем,
И возжелание нежнейшим жженьем
В груди елозит в полной темноте.

Взор заболочен, разум усыплён,
Отравлен воздух духами-духами,
Ты думаешь и чувствуешь стихами
В тумане, как коварный Альбион.

Рассеется через мгновенье смок,
И радуга очередным заветом
Согнётся над тобою алфавитом,
Который ты использовать не смог.

Я живу, путь мой пресен, не ярок —
В одиночестве стал глухарём.
Подарю тебе царский подарок,
Чтобы стать настоящим царём.

Не беда, что плохая зарплата —
Строг расчётный листок, как скрижаль.
Платят жалованье... маловато...
Что: меня или денег им жаль?

Как овца средь волков и овчарок...
Царский ужин: чай, сахар, сухарь...
Подарю тебе царский подарок —
Не наследный, а всё-таки царь!

Жизнь проходит где-то между.
Жизнь – богиня и раба:
Перелётая надежда,
Переплётная судьба.

Жду повторного начала.
Всё, что было, будет вновь.
Я узнаю, как кричала
Ева, падая в любовь.

Я живу, в судьбу играя,
Люди просят: “Расскажи...”
Каждый вечер умираю,
Чтобы утром вновь ожить.

Бог мне в приступе икоты
Отключил автопилот:
Завершаю перелёт и
Попадаю в переплёт.

Александрю Прусову

Нет проклятия страшнее,
Чем проклятие талантом.
Люди ласковы, как змеи,
И к стеклу, и к диамантам.

Их судьба к ногтю прижала –
Больно – и не отпускает.
Их раздвоенные жала
Душу лижут и ласкают.

Я способен на большое.
Тот, кто знает это – злится.
В унисон с моей душою
Плачет стреляная птица.

Голубь с веткою оливы
Кружит над душой-ковчегом.
Жизнь считают справедливой
Супер-Ид и Супер-Эго.

Жизнь одна – что делать с нею?
Хочется помочь атлантам.
Нет проклятия страшнее,
Чем проклятие талантом.

Как же быстро прогоркает жизнь
В трепетном слежении за временем.
На ладони чьи-то чертежи,
И мигрень солирует как Eminem.

Лень и опыт вытесняют страсть,
Незаметно блёкнут блики взгляда,
И садишься, чтобы не упасть,
Пьёшь лекарство дозой больше яда.

В каждой птице чудится Сирин.
С новой мыслью больше превосходства.
Жизнь на вкус как амидопирин,
Тридцать лет как снятый с производства.

Паспорт мой, но в нём не обо мне –
Нет, а о российском гражданине,
Том, что вместе с Горьким был на дне,
Том, что для Пожарского был Минин.

Планов горизонты – не края.
Я б расстрелян был при Бонапарте.
Нынче ж биография моя
Поместилась в медицинской карте.

Этой картой биты все стихи
И не сочинённые заранее.
Золотая рыбка из ухи
Выполняет лишь одно желание.

Старше стал, мудрее стал –
Только не пойму:
Чей я занял пьедестал,
Чью я взял суму.

Чьей десницей я ведом?
У меня билет.
На одно лицо. В мой дом.
В двадцать девять лет.

“Всё течёт” – сказал Гераклит.
Я-то думал, что это о мире,
Вышло, что о моей квартире:
Мной сосед и подвал залит.

Ну, не мною, конечно же:
Это краны, сифоны, трубы...
И скрипят в исступленья зубы:
Дом, который построил ЖЭК!

Не гнездо, не нора – обитель,
Заперт в ней крепостной мужик...
Дом, который построил Джек,
Да, тот самый – Джек Потрошитель.

Железны двери, пластиковые окна,
Журналы глянцевого и глянцевого глаза.
Стеклянный шар судьбы возьму и кокну,
Кардиограмму отмотав назад.

Платон тем друг, кому кипа по Сеньке.
По паспорту отнюдь не Паспарту.
Я истину продам, но не за деньги,
А за паллиативную мечту.

Что тянет в небо глупого подранка
На свет звезды в доутреннюю рань:
Надежды фантазийная огранка?
Неистойвой печали филигрань?

Зрю в корень волоса: седеет локон
При виде железобетонных стен,
Стальных дверей и пластиковых окон
Страны чудес в эпоху перемен.

Медведь на эмблеме у единорогов –
Случайность: Медведев –
наш вице-премьер?
Немало тут немаловажных вопросов:
А Козак-казак? А Сурков, например?
Медведицей стала и первая леди,
И каждый шатун учредил свой горком.
И всё-таки лучше эмблема с медведем,
Чем та, что могла быть с козой и сурком!

Грусть хлопает в носу
И под ногами тоже.
Домой себя несусь,
Хочу на ложе... лёжа!
Домой как в никуда,
И зонтик – оберегом:
Декабрьская вода
Была ноябрьским снегом.

Мной был Экклезиаст,
Я вновь стал им – не хуже!
Жизнь! Лужей ставший наст
Вернётся в наст из лужи!
Всю жизнь спешу домой,
Чтоб тьмой разлечься в яме,
Где в тишине немой
Разводит грусть руками.

Одиночество – единственная форма
Существования людей.
Одиночество – единственная норма
Для того, кто не завёл детей.

Мой сюжет банально популярный.
Плюс притягивает минус – сглазь!
В химии: чем атомы полярней,
Тем слабей химическая связь.

На кухне, нервно тыча в телефон,
Я слышу голос, близкий и далёкий.
Слоняюсь по посудной лавке – слон, –
Отслеживая в мозге биотоки.

Я пальцами на клавиши давлю,
Меня виртуальный мир реально,
И понимаю всё, что я люблю,
На самом деле вряд ли идеально.

Нажму на пульт – включается TV,
Нажму одно – включается другое.
О, вера в бога! Ты у нас в крови,
Всю жизнь: из колыбели в гроб – с тобою!

Когда Башмет смычком щекочет альт,
И воздух рассыпается на ноты,
Я робко наступаю на асфальт,
Поскольку мир менять мне не охота.

А я иду... охота плакать – плачь!
И зря ты верой голову морочишь:
На свете нет программы передач,
Чтоб наступать и видеть то, что хочешь!

Можно снять улыбку поларойдом,
Вспышкой-птичкой грусть спугнуть на миг,
Коротая жизнь под рубероидом
В омуте художественных книг.

Жизнь и смерть соединю в прямую:
У счастливого стези прямы.
Может, Бог даст, и перезимую,
Не дожив до ядерной зимы.

Не мудрец, но фору тем порой дам,
Кто умеет жить, плюя на гнусь.
Я боюсь столкнуться с астероидом
До того, как вдоволь наживусь.

Мне ль не перешагивать законы,
Угнетающие естество?
Никакие копи Соломона
Не сравнятся с мудростью его.

Манит кобру дудочка факира,
А тебя – мой фотоаппарат.
Не купить за все богатства мира
Жизни обесцененной карат.

Пусть восходит солнце над андроидом,
Грусть мечту на Землю тянет – вниз,
Где снимают радость поларойдом.
Мишеловка – в ней бесплатный **cheese!**

Андрею Кузнецову

Ничего так не болит как память:
Чем фантомней боль, тем больше слёз.
И охота же кому-то спамить
Время, обречённое на кросс?!

Бродит по архивам ощущений,
Коротая мой угрюмый век,
Спившийся эмоциями гений,
Тень моя, мой Чёрный человек.

Равномерно осенила осень
Путь мой благолепной желтизной.
Депрессивно. Мозг разнологосен.
Мысли шлейфом тянутся за мной.

Город позволяет видеть лужам
Только то, что хочет показать,
Доверяясь домыслам досужим,
Глядя лужам в честные глаза.

Поднимаю ренессансно ворот.
Прибавляю шаг. Не вдаль, а *вбыль*.
Ухожу. Пусть тонет этот город
В лужах, как Титаник в мёртвый штиль.

Ухожу безмолвно – по-английски.
Ухожу на ощупь... прочь... слепец!
От себя... навечно... самый близкий...
Сам себе ответчик и истец.

Ивану Карпенко

Ответь, кого бояться надо
Тому, кто верует в добро,
В звон золотого листопада
И в тайны чёрного габбро?

Никто не знает, сколько стоит
При жизни сытость и покой.
Смеётся циник, терпит стойк,
На скептика махнув рукой.

Схоласт теряется в догадках,
Над ним глумится сибарит,
А Бог следит за мной украдкой
И ничего не говорит.

И ощущение такое,
Как будто бы Он где-то тут,
В безмолвной тишине покоя
Остановившихся минут.

И страшно оттого, что тихо.
Он выдыхает ветер так,
Чтобы понять неразбериха
В клокочущей душе – пустяк.

Мы истину из мыслей гоним.
Мы – те, кому роднее ложь.
Зря ль **house** хаосу омоним?
В порядок мир не приведёшь.

Нам в беспорядке жить несладко.
Кого должны бояться мы?
Педантов, служащих порядку,
Порядку хаоса и тьмы.

Татьяне Романовой-Насиной

Всё течёт: текут река и небо,
Время, ветер, мысли и слова.
Лучше всяких панацей плацебо,
В нём надежда на судьбу мертва.

От плацебо высыхают слёзы,
Жажда жизни выживает боль.
Безусловно, это галактоза –
Сахар галактический – не соль!

Жизнь – болезнь: известные симптомы –
Больно и приятно сразу... всем...
Близкие друг с другом не знакомы...
“Надо” – вот ответ на все “Зачем?”

Тот, кто не виновен, виноватым
Будет вечно чувствовать себя.
Я живу, часть хаоса, кварк, атом,
Лучшее в самом себе губя.

Все имеют, кто что напроорочит,
В нас хранится крепкая вода.
Всё течёт, журчит, бурлит, клокочет,
Но не утекает никуда.

Пусть воля больше разума,
Пусть ум сильнее силы,
Пусть будет всё, как сказано,
Пусть будет всё, как было.

Судьбу-денатурацию,
В которой всё нечисто,
На стимул и реакцию
Рвут бихевиористы.

В душе роятся-роются
Сомнения: а надо ль
Терпеть и беспокоиться,
И превращаться в падаль?

Нас собирают в кучи – хлам, –
Где каждый чем-то занят:
Вон Арлекино с Чучелом
По радио горланят!

А я иду взлохмаченный:
Лох? Мачо? Я не знаю.
Зачем же всякой всячиной
Я душу заклинаю?!

Ведь там, в моей обители,
В парикмахерской ждут сонно
Не голову Крестителя,
А голову Самсона.

В таинственном затишье полумрака
Мерцает грусть немеркнувшей души.
Как дивно пахнут звёзды арманьяка,
Последнее терпенье сокрушив!

В бокале дух пленительной истомой
Затянет в омут, увлечёт на дно,
И обратит пушинкой невесомой
Сюжет документального кино.

И сердце не поймёшь: в своей чечётке
Способно интерес разжечь в азарт,
Стучит лбом в пол, перебирает чётки,
Как будто ждёт обещанный инфаркт.

В сиюминутном проблеске сатори,
Подобном треску семенных чешуй,
Родился свет, разлился свет и вскоре
Душа живёт по правилам Фэн-шуй.

Ночь смотрит на меня лиловым глазом
С бессонницей одною на двоих.
Блудливый разум будит мысли разом
И соблазняет, как наложниц, их.

А где-то воет на луну собака,
Шушукаются с ветром камыши
В таинственном затишье полумрака,
Где меркнет грусть мерцающей души.

Нет любви сильнее материнской,
Нет тоски печальней ностальгии.
Я блуждаю по земле Тайнинской,
Где деревья шепчутся нагие.

Мать земля сырая любит сына,
Доверяет вековые тайны,
И его там детища Горына
Ловят – МТСы и Билайны.

Я живу земной – не приземлённый
И умру когда-нибудь Бессмертный,
Станет фотография иконой,
Станет слово маркою конвертной.

Склею вещи, скотчем замотаю
И, оплавав, отнесу на свалку
Или отпущу на волю стаю:
Пусть парят с балкона – мне не жалко!

А.М. Мусееву

В полнолуние, когда оживает нечисть,
Мне звонит заместитель министра,
Говорит что-то долго и быстро –
Дескать, несдобровать, если встречусь.

Рдеют зенки и лезет щетина,
И тирада сливается с воем.
Тень – и та – не крадётся конвоем.
Дразнит зеркало – в нём та же мина.

Не царевич, не князь и не герцог –
Дворянин трансильванский, наверно...
Как живёт среди мрази и скверны
Это преображённое сердце?!

Рядом голубокровая нимфа –
Тьфу, колдунья! – седая, как лунь её...
Он пьёт кровь, в нём течёт гемолимфа,
Будоражащая в полнолуние!

Андрею Галамаге

По воздуху взбирается паук,
Цепляясь за своё воображение.
Он игнорирует земное притяжение –
Его религия верней моих наук.
Он Шива, он имеет восемь рук,
Нисходит с неба в лёгкости скольжения
Без тошноты и головокружения,
Не озираясь трепетно вокруг.
Я плачу, только если режу лук,
Стреляющий в упор без натяжения.
Я в воздухе, я в этом же движении.
Я восьмирук и восьмиок – а вдруг
Я тоже Шива – тоже! – как паук?

Уходят все в страну печальных грёз,
Внезапно замирая на распутье,
Когда ответ предвосхитит вопрос,
Не заданный томящеюся грудью
По лапнику спеша в кадильный дым,
Идут по краю огненной геены.
Жизнь стоит свеч, свечей, молчащих им
Рапсодией агонии смиренной
Как ни тяни, а кончится глоток
Живой воды, и память даст в рассрочку
Еврею – камень, выкресту – цветок,
Лычнику – еду, поэту – строчку.

**Памяти моей бабушки,
Валентины Моисеевны
Фридман**

Твоя ограда врезалась в берёзу,
Впилась в неё: теперь они – одно.
Всю жизнь слежу за этим симбиозом:
Живу недавно, а слежу давно.

Гранитная плита, цветник, ограда –
Я прихожу сюда два раза в год.
Живой хоронит мёртвого – так надо!
А может быть совсем наоборот?

Уходит смертный к умершим, не зная,
Что не вернётся никогда сюда,
И ностальгирует душа грудная
При мысли о зловещем Никогда.

При жизни как-то всё глупей и проще:
Не думаешь о том, что ты уйдёшь,
Что тела твои истлеют в мощи,
И станешь ты на Йорика похож.

Не думаешь о том, что прочим равен:
И внутренне, и внешне, и совсем –
Что не тебя благословил Державин,
Что ты забрёл, увы, не в свой Эдем.

Не поплутать по вспаханному полю,

Не завалиться на махровый лес.
Живу и одиночество неволю,
В котором не Христос, а я воскрес.

Знакомые! Я их совсем не знаю.
Друзья? Скорей сопутники мои.
Мне кажется, я только начинаю
Делить себя на тонкие слои.

Моя душа печалью заболела,
Завидую дворняге-кобелю.
Кого люблю – кому какое дело?!
Куда важней, кого я не люблю!

Всё время кто-то осторожный шепчет
В душе так, между прочим, невзначай.
Я понял то, что нет напитка крепче,
Чем крепкий байховый зелёный чай.

Пройдёт дурман, исчезнет хмель от водки,
И всё вернётся на круги своя.
В моей душе звучат такие нотки,
Которыми не трясся Караян!

Я убиваю время? Нет. Едва ли.
Скорее препарирую его.
Уста дождя меня поцеловали,
Ладони ветра обняли... и вот

Стою у облупившейся ограды,

Я не жалею: было то, что было.
Меня любили люди, как могли.
Я плоть и кровь – шестая часть могилы,
Шестая часть моей родной земли.

Тихая грусть сводит с ума,
Душу щемит чувство сиротства.
Всякий талант – форма уродства,
Если душа глухонема.

Мало ли кто судит меня!
Тусклая грусть светит, не грея.
Где же вы, где, гипербореи?!
Между людей гений – сорняк!

Умный молчит, глупый ворчит –
Я расчленён на междометья.
Кто каждый раз ставит на третье,
Тот за собой жизнь волочит.

Я не могу слушать о том,
Как человек выковал счастье.
Пульс: восемь нот бьются в запястье.
В горле печаль скомкана в ком.

Мысли медленнее корпускул,
И почувствовать – не понять.
У Атланта особый мускул
В три погибели устоять.

Мир нельзя разделить на части
И держать только США,
Как нельзя обойти напасти,
На которых растёт душа.

“Вещь в себе” – нет надёжней тайны:
Кто постигнет, что там внутри?
Ни конвейеры, ни комбайны
Человеку не обхитрить.

Мы убогие – кроме шуток! –
Мерим всё, всё одной длиной.
Отношение – промежуток
Между “вещью в себе” и мной!

Между нами лежит экватор.
Внешний облик – что поплавок.
Я черпаю, как экскаватор
Ощущения из него.

Время движется неизменно,
Повторяя всё то же вновь.
Не войдёшь дважды в ту же вену:
Зуб за зуб или кровь за кровь?!

Детям – в классики б, взрослым – тоже...
Нет азартней для нас игры.
Боже мой, как мы все похожи!..
Классик вырос в царя горы!

На Синае ль, на Арарате ль,
На Валгалле ли – где ты царь?
Ты стараешься! Ты старатель!
Ты осваиваешь букварь!

Моешь золото из молчанья?
Оставляй дураку пирит:
Поумнеет он от отчаянья,
Поумнеет – так пусть журит!

Сомневайся всегда и всюду:
Оболочка об-ман-чива.
Жизнь дана под процент – как ссуда:
Не растрачивай на слова!

Память – вот все твои пожитки!
Не читай слишком честных книг
И разглядывай промежутки –
Интереснейшие из них!

В них содержатся все ответы:
От начала и до конца.
Бойся пуль, не читай газеты:
Смерть – одно лишь из свойств свинца!

Философствовать бесполезно!
Что первично? Первично всё!
Мир над бездной и мир под бездной
Даже бездна не упасёт!

Ал закат – о боже, как необы-
чаен мир – владыка грёз и снов.
Население его утробы
Знает, что он ежедневно нов.

Жизнь – глоток. Ночь – глотка.
С миной сноба
Исповедуешь лихих лгунов.
Разве ж это небо? Это нёбо!
Пасть кита! Мир – кит!
Жизнь – кровь за кров!

Жребием решают покемоны
Быть или не быть... тебе в Раю.
Вновь в пучину ты летишь, Иона,
Осознав несправедность свою!

Придёт время: часы встанут,
Сгорит небо дотла – в ночь!
И Бог скажет, что он занят,
Собой занят – “пошли прочь”!

Включи лампу, зажги свечку:
Тебя видно, тебе – нет!
Там, на звёздах – человечки:
У них тоже такой свет!

В аду места на всех хватит:
Во тьме вечность при свече.
Кто жил вдоволь, сейчас платит,
За смерть платит и врачей.

Милли-оны – один выжил!
Так вновь будет и теперь.
Атлант держит своей грыжей
Судьбу мира, где царь – Зверь!

Я жду робко Конца Света,
Конца Жизни, Конца Дней,
Но нет Бога, а есть эта
Земля-Ника – я весь в ней!

Никол много – один Один!
Угод-Нику не под стать:
Милосерден, благороден –
Эво-люци-Я прёт вспять!

Говорят, слюбится, говорят, стерпится,
Но Земля медленно на оси вертится.
Облаков по небу – целая конница.
В жизни бессонница стала *бессолницей!*

Мне порой кажется, счастье – безделица:
Одному дадена – на двоих делится.
Ясно не каждому, что в стихах кроется:
Е-ди-но-бо-жи-е – это не Троица!

Я к судьбе собственной отношусь трепетно.
Всё ли в ней нравится?

Нет, в ней всё терпит, но
Я молю: “Господи! Кто с тоской справится?
Жизнь моя –
в клеточку! В сеточку! В рабицу!

В ней слова ясные, в ней цвета красные,
Люди в ней редкие, своеобразные.
Как-то мне суетно среди них маяться.
А тебе, Господи, часто икается?

Лбом стучать по полу или же в дверь
би-ться?..”
Может и слюбится, только не стерпится!

Человек думает, как жар-птицу выловить,
Как поймать молнию и купить свет.
Был Адам с Евою, всё у них было ведь:
Что у них было, того у нас нет!

Мы живём, мудрые маги-волшебники,
Всё у нас кнопочно, всё est est est!
Сами к задачкам пишем решебники:
Это не плюс наш – приплюснутый крест!

Человек думает, что прогресс движется,
Но деградация всё же быстрее.
Президент пальцами показал ижицу,
Я же виктории не узрел в ней!

Всё, что не пройдено, не пройти заново.
Всё, что не выпито, не испить вновь.
Наша жизнь –
это ль не хитрость шайтанова:
Молоко матери превращать в кровь?!

Тут, в моих записях, есть своя логика:
Одному кажется, остальным – нет!
Но стихи эти вот не для тех многих, в ком
Ночью – свет лампочный,
днём – дневной свет.

Я живу, как бы там ни было, праведно:
Не пишу пасквилей и не пью вин.
Есть и без этого те, кому завидно.
Я один. Счастлив я, если один.

Я живу с умыслом, с дальними планами –
На-по-ле-о-но-вски-е позади!
Множеству особей кажутся странными
Эти конвульсии в юной груди.

Всё тут: и буковки, и иероглифы,
Всё: пектография, клинопись, вязь.
Эти писания – светский апокриф и
Кардиографная с Космосом связь!

Я не плодоносил четыре дня,
Я сбросил листья, я не цвёл в пустыне,
И муза, опылявшая меня,
Как выяснилось, не была богиней.

Засохли корни, и зачах побег,
И спят мертвецким сном на ветках почки.
А я хотел, наивный человек,
Прожить всю жизнь
ТАК, чтоб ни дня без точки.

Раз очарованного не разочаруешь!
Любая нежность вызревает в *жность*.
Надоедает долгожданный гость,
И ты теряешь то же, что воруешь.

Чтоб разочароваться, нужен РАЗ –
Один разок, но, правда, ОЧень ЯРо,
Чтоб осознать всю бесполезность дара
Быть лучше самых-самых лучших нас.

Не бес конечен – бесконечно зло,
Конечно, зло небес в его затишье.
Я перед бурей алый парус вышью,
Чтоб жить и знать, что счастье не пришло.

Конечно, есть красивей и умней,
Талантливей, добрее и богаче.
Лежу, непобедимый, на спине
И плачу так, как плачeya не плачет.

Не то обидно мне, что нехорош,
Что я в тебе весну не пробуждаю,
А то, что я в тебя посеял рожь,
Проросшую пырейным урожаем.

Твои глаза не смотрят на меня
Томительно и липко, как вначале.
Твои зрачки за три коротких дня,
Разлукой затянувшись, обмельчали.

Твою ладонь мой лоб не узнаёт,
Она в скольжение опускает веки,
Чтоб я не видел то, что я не тот,
Кому завещан скорбный взгляд навеки.

Твои глаза передо мной стоят
И упираются рожном мне в спину.
Горчит и вяжет равнодушный взгляд
Икрою нерестящейся рябины.

Мало, кто ко мне равнодушен,
Многие меня боготворят.
В тягость самому себе – не нужен,
Сам себе и Линч, и Шариат.

Ни к кому в наставники не лезу
И не тычу пальцем ни в кого.
Жизнь моя – не жизнь, а экзегеза:
Тёмный нимб над светлой головой.

Жизнь – сорока, я трофеем сорочий.
Как весна приходит за зимой,
Сразу за Вальпургиевой ночью
Наступает светлый Первомай.

Совість, обречённая на лепру,
Мудрость до могилы донесла.
Наша жизнь не в полосах, как зебра,
Серая, как шкура у осла.

Сапогами с высоким берцем
Муза сердце втоптала в грязь.
Я сегодня узнал, где сердце,
Слома голову к смерти мчась.

Жизнь не кажется больше длинной –
Поцелуями отрави!
Под лопаткой и за грудиной...
Я о сердце – не о любви.

Сердце камнем на диафрагму –
Эта тяжесть больней, чем боль.
Закипает в сосудах магма,
И слеза, точно канифоль,

Застывает в глазах печальных,
Сочных, полных созревших слёз.
Мина, будто пейзаж на скальном,
В горле тихо застрял вопрос.

В сердце дробь барабанных палок,
И жалеет меня палач:
“Миша-Мишенька, как ты жалок!
Подходи смелей и не плачь!”

Слёзы всем отбеливают душу:
В их составе горечь, боль и смех.
Всё, чего бы ты ни сделал – грех:
Ими дух Святой спешит наружу.

Тот, кто плачет, плачет для людей.
Плачет не слезами – физраствором.
Никогда не плачут люди хором,
И следов от слёз тех нет нигде.

Куст познания Добра и Зла,
Несгораемый, истёк смолою.
Если я чего-то в жизни стою,
Значит, мать не зря меня нашла

В том краю, где вместо Слова Эхо
Ветер по периметру разнёс.
Эта жизнь – мироточенье слёз,
Слёзы – это сукровица смеха.

Вдохновение сплетает паутину
На моей душе – капкан для мух – нет, муз.
Плачу и плачу не церкви десятину –
Богу. У рабов есть тоже профсоюз!

Разживусь стихами, в гордости нищая,
И, вкусив рябины спелый сердолик,
Я себе признаюсь, что себя прощаю.
Кто себя простил, тот истинно велик.

Космос, Бог или Природа –
Как угодно назови.
Мир под сенью небосвода
Весь построен на крови.
Жизнь зовут круговоротом,
Жизнь – прямая или луч?
Там в конце тоннеля – кто там? –
Беззащитен и могуч.
Всё, что будет, прежде было.
Жизнь, создай нас и сгнои.
Унесу с собой в могилу
Все диагнозы свои.
И приду в конец тоннеля
К точке под названием “цель”,
И вздохну там: неужели
За тоннелем вновь тоннель?

Огромный город – весь – в одной
маршрутке:
На повороте кто-нибудь родит.
Душа живёт судьбою самокрутки,
Зажжёшь её: и тлеет, и дымит.
Народу как в столыпинском вагоне
Все за деньгами, покорять Москву.
Спешат так, что никто их не догонит,
И я один из них, пока живу.

Потом изменятся приоритеты,
Переоценка ценностей придёт,
И я достану все свои билеты,
Но мне совсем другой предъявят счёт.
Поеду я в стальной вагоне
За алчностью своей туда, вонне.
Увижу рай: у врат Симон Ионин
Ладоской грустно вслед помашет мне.
Ну, а пока мне на мобильный кто-то
Звонит, чтоб жизнь мою закрыть на ключ.
Сойду, вернусь и чёрт бы с ней, с работой,
Пойду домой, пути не будет – луч!

Андрею Пронину

Тишину ношу в карманах гордо –
Глянь в моих зрачков калейдоскоп.
Маленький комок, попавший в горло,
Истый глобус, занял свой окоп.

В ту же Лету люди входят дважды:
В пункте А и в пункте Б – жизнь – код.
Не да Винчи. Чей? Да разве ж важно?
Сзади – Выход, впереди – Исход.

Я молчанием набил карманы –
Есть блаженство в честной простоте!
Это золото – цена за планы,
Нежную привязанность к мечте.

Александр Ильянскому

Гениальный – значит, ненормальный,
Значит, не такой, как все вокруг.
Шар земной тебе исповедальной,
Зеркало – единственный твой друг.

Ты читаешь о чужой удаче,
Больше жизни вымысел любя,
И находишь всё, что люди прячут,
Прямо перед носом у себя.

Нет сачка, крючка, силка для фразы
О существенном в твоей душе.
Грифель твёрже и прочней алмаза,
Если он в твоём карандаше.

Он тебе надеждой и опорой.
Жизнь – Баюн или чеширский кот?
Да, кот серый, ярый кот, кот-орый
Тут орёт не в марте – круглый год.

Пчёлы кара-улят улей карой –
Пчёлы научились у людей.
Ты колдуешь, плача над гитарой,
Над собою, добрый чародей.

Зря Звезду Давида в крест нательный
Переплавил: в мире не спасись!
Не исповедаляня – богадельня!
Отступись, оставь его, окстись!

Есть ли, нет ли правды – что там?!
Я не верю чудесам.
Согласишься с идиотом –
Идиотом станешь сам!

Знаю, что восьмую ноту
Не смогу произнести.
Не старайся зря, бревно ты
Не заставишь расцвести.

Не хватай глупца за уши –
Он идёт не до, а от!
Пусть сильнее бьёт баклуши –
Может статься, что убьёт?!

Парень-дурень зырит в корень,
Пальцем тыча в небеса.
Соглашаться или спорить
С идиотом – думай сам!

Добрый ангел, ты приснился снова,
Обнадёжил и предостерёг.
Ты молчал, а я за словом слово
Лирикою имярека рёк.

Склеиваю мысли в восьмистрочье,
Сидя у фонарного огня.
Ангел мой, прости, что даже ночью
Нет тебе покоя от меня.

Академику Борису Бим-Баду

Не жизнь, а так – сеанс в кинотеатре:
Досмотришь фильм и выметайся вон.
Мелькают кадры: полминуты за три, –
Жизнь – в час: от родов и до похорон.

Ты не писал себе такой сценарий,
Монтаж не твой, и режиссёр не ты.
Напрасно в чёрно-красный календарик
Спешишь внести кружочки и кресты.

Нам не дано разведать о грядущем...
Кто в муках жил, тот в муках и умрёт.
В окно смотрящий далеко идущим
Расскажет, для чего идти вперёд.

В реальной жизни всё гораздо проще,
Чем в безрассудных бреднях старика.
Кто движется вперёд, идёт на ощупь
Всю жизнь от тупика до тупика.

Богаче Блада, Сильвера и Флинта –
Не граблю толстосумов до белья.
Всю жизнь свою брожу по лабиринту,
Где я один... где минотавр – я.

Всё: триллер, мелодраму и блокбастер –
Я уместил в одной своей судьбе,
Не режиссёр, не сценарист, а Мастер,
Воспитывающий себя в себе.

Л.С. Тильман

Ничего на свете мне не мило,
Ничего не радует меня.
Иссякают жизненные силы,
И понятней языки огня.

Чёрный пёс, сиамский кот и ворон –
Население моей души –
Существа тотемные, которым
Вместо жертвы вирши совершил.

Всё проходит: явно не до жиру.
Честность – это лучшая броня.
На большом холсте картины мира,
С микроскопом не найти меня.

Ворон, кот и пёс – и их не видно.
Люди – болтовня, брехня, ток-шоу!
Пряно жил, щекотно жил – обидно:
Только вылез и уже ушёл.

Жил двужильно и напал на жилу
Истины, добра и красоты.
Ничего на свете мне не мило,
Оттого глаза мои пусты.

Люди, люди, люди, люди,
Лю... делю, делю, делю –
В злости, зависти и блюде
Мир подобен хрусталою.

Он сверкает семицветно,
Разбивая свет на цвет.
Жизнь проходит незаметно.
Смерть даёт на всё ответ.

Но пока нет крови в Ниле
И небесного огня,
Поддержали. Ободрили
Люди добрые меня.

И подержан, и ободран
Я живу среди людей
И кажусь таким же добрым
Янычаром чародей.

*Памяти дяди моего
Александра Николаевича
Сметанина*

Город густонаселённый
Тихий, мрачный и зелёный
На границе двух миров.
Далеко он или близко –
В нём последняя прописка
Всех, кто молод и здоров.

Вместо пропуска и визы
Саван, мантия и риза.
Без меня тот город пуст.
Без него мне одиноко.
В нём, напялив фрак, сорока
Мне трещит сорокоуст.

Жид, хохол, кацап и азер...
Ворон, словно мерчендайзер,
Облетает свой удел.
Наблюдает за порядком,
Скачет по заросшим грядкам –
Кабы что не проглядел.

Город мраморно-гранитный.
Люди есть, но их не видно:
Лица, даты, имена...
Тут, сверкая вместо блика,
Плодоносит земляника,

Но не съедена она.

Грустно: эхо стало охом.
Тут бодяк с чертополохом
И большие лопухи.
Тут искусственная флора,
Тут звучат Коран и Тора,
Канонада и стихи.

Только здесь, где люди – братья,
Соломоновой печатью,
Месяцем, звездой, крестом
Осенённый в землю ляжет.
Жаль, никто из них не скажет,
Что случается потом.

Перед ними небо в звёздах,
Им не нужен свет и воздух,
Нам они отдали их.
Чтоб гранитными глазами
Наблюдать всю жизнь за нами,
Уповая на живых.

Игорю Чесебиеву

Люди все в чём-нибудь да гении,
Но о том им не говори.
Я, невольник мировоззрения,
Вдохи трачу на вдохновение
И на мыльные пузыри.

Я в душе ощущаю жжение,
Смерть – единственный нивелир.
Тело дышит, в душе – брожение:
Пусть поверхностно натяжение –
Разноцветен объёмный мир.

Невезуха? Да, жизнь такая:
Мыло лопнет в разгар игры.
Скажешь, истину отвлекая,
Дескать, я пузыри пускаю –
Нет же, я создаю миры.

Мир, в котором нет притяжения,
Мир, в котором лишь я и ты,
Мир, где вечность в одно мгновение
Переходит без сожаления
В пустоту – пусть! – из пустоты!

Гранит и мрамор смотрят на меня
Глазами тех, кого уже не встречу.
Проходит жизнь, а похвалиться нечем.
Не знаю, как добрёл до склона дня.

Друг друга учим, а чему – ответь.
Нет, обучение от слова “буча”.
Есть разница меж кучей и *некучей!*
Нашедший термин должен умереть!

Жизнь-сахар растворяется в воде,
Чтоб явное мгновенно стало тайным.
Сиф тоже мог для Авеля стать Каином,
И я б мог стать Иудой для людей.

Пусть сердце сокращается медузой
И жалит душу – душу за скрижаль.
Усопшему минувшего не жаль –
Теперь он из другого профсоюза.

Пусть будет всё, как быть должно везде!
В скрижаль моя душа окаменела.
Горгона! Ты совсем *обледенела*,
В гранит и мрамор обращать людей!

Грустно пасмурное утро.
Мечутся стрижи.
Мысли клинчем в Кама-Сутре.
Кухня дребезжит.

Радио страшит вестями,
Телевизор врёт.
Простынь смята в оригами.
Всё: настал черёд!

Я с цепи спускаю лигра
Из своей души.
Взгляд мелькает: фигаро-фигаро.
Грусть меня смешит.

Затянулся тиной, ряской
Пруд моей тоски.
Быль, наряженная сказкой,
Силой рвёт силки.

Я напрасно брови хмурю,
Нет Пегаса – нет!
Кушай, кушай, Миша, тюрю –
Увели, мой свет!

Тишина. Вдали хрипит транзистор.
Солнце светит, будто за аванс.
Шествую победно, как министр,
Все – за реверансом реверанс.

Я иду туда, где мир квадратен,
Где у ветра собственная дверь.
Пыльный воздух не благоприятен.
Вместо двух окон – бойницы две.

Я шагаю мимо мэрской власти,
Мимо *личинариков* тупых.
Каждый из чиновников несчастен:
Их беда объединяет их!

Чур меня! Я мимо. Я не с ними.
Я не выношу наш мезальянс.
Что мне должность, звание и имя?
Нужен ли для взятки преферанс?!

Разве ж я принципиальней принца?
Разве ж мечу в короли, мечась?
Я всего лишь розовая линза.
Целое – чего-нибудь да часть!

Мой соперник – разве что Коперник,
Непокорный гелиоцентрист.
Я распотрошу тугой наперник,
Чтобы взять перо и чистый лист
И признаться: да, нонконформист!

*Памяти Маргариты
Эварестовны Мысиной*

Когда я сдохну, сдохну как собака,
В канаве грязной, скользкой и сырой,
На мне не будет чопорного фрака,
Камзола с ришелье и мишурой.

Меня найдут, наверное, не сразу.
Брезгливый мент ногой лягнет-качнёт,
Судмедэксперт цинично бросит фразу
О жмурике... и потрошить начнёт.

А перед этим в этой же канаве,
Остыв от повседневной суеты,
Я жизнь решу (а жизнь сложнее Сканави):
Умру, спасаясь бегством от мечты.

Меня не будет отпевать священник,
Тряся кадилом: “Божий раб усоп”.
Похоронить меня не хватит денег
Меж привилегированных особ.

Я буду мёртв, я не подам и вида,
Что слышу всё и вижу всех их – в ряд.
Над гробом тихо кружит панихида,
Где все: Дантес, Мартынов и Пилат.

Где депутат от города с районом
Принёс мне два весёленьких цветка,

Где сердобольные по всем канонам
Скорбят о не свершившемся пока.

Дантес бубнит: “Поэт! Невольник чести!
Он проскакал на розовом коне!”
Я умер. Я со Шпаликовым вместе:
Страна не пожалеет обо мне!

Мартынов скажет:
“Он был парень brave!”
Сальери вздёрнет тоненькую бровь.
Пилат меня опять сравнит с Вараввой:
Я умирал уже и умер вновь.

Ты сдашь мне на венок, попросишь сдачи
И сменишь траурное платье на клёш.
Ещё с утра ты разорвалась в плаче,
Завечереет – в клуб, смеясь, пойдёшь.

Лежу, дремлю под музыку Шопена,
Смотрю на вас, постылые друзья:
Готовы ль вы в глаза назвать мне цену
Сейчас, когда из гроба встану я?!

Андрею Лисенкову

Нет, смерти в жизни нет –
 есть только лень и отеть!
Все любят деньги:
 кто до крови, кто до слёз.
Вся наша жизнь – ответ
 на маленький вопрос:
Как зарабатывать их правильно и тратить?

Ответов множество, а правильного нет:
Не интуиция ли – основной критерий?
Мы, человеки,
 неизвестный штамм бактерий,
Мы инфицировали Бога – проклянёт!

У нас токсична мысль и ядовито слово!
Мы размножаемся, где сыро и тепло.
Мы веруем в добро и платим злом за зло,
И молим одного, надеясь на Другого.

Мы изучаем мир. Мир изучает нас.
Наука – от и до – построена на вере.
Секстиллионы “но” клубятся в ноосфере,
Где пишет через “о”
 пиит в стихах “Парнас”.

Жизнь – путь из шаха в мат:
 в ней патов не бывает!
Что верующим – грех,

Мой ангел-хранитель – не ангел, не демон:
Ни крыльев на нём, ни пропеллера нет.
Откуда возник он, и послан мне кем он,
Зачем он приходит ко мне и звонит?

Субботник? Отнюдь.

Добровольно? Едва ли.

Приставлен ко мне часовым – для чего?
Печален в веселье и весел в печали –
Он видит насквозь всё моё естество.

Он в джинсах и свитере, в юбке и блузке...
Я с ним откровенен и честен – простак!
Мы с ним изъясняемся внятно по-русски.
Но русский не может понять нас никак!

Вне возраста, пола и прочих различий,
Он мой, только мой – позавидуйте мне.
Мой мир – это лес.

Он в нём леший- лесничий.

Он, Пан, в нём играет на флейте на пне.

А если он проклят, и я его кара?
И Господом он мне зачислен в рабы?
И он, обладатель священного дара,
Растратит его ради чьей-то судьбы.

Да, он Прометей!

Он ко мне мною прикован.

Клюёт его печень двуглавый орёл.
Хранителей много, но нету такого,
Который во мне б господина обрёл.

А может он бог? Этот... эта...все эти...
Которые мне освещают мой путь,
Которые передо мною в ответе
За то, чтоб я их не посмел обмануть.

А если он дьявол? Эдемскою коброй
Обвил мою чашу и шепчет: “испей...”
Хранитель мой –
 добренький он или добрый?
Он проще, чем голубь, мудрее, чем змей?

Нет, он человек. Он такой же несчастный:
Он сослан со мною на Землю – сюда,
Где жизнь обязательна, вера опасна,
Где время крошит на мгновенья года.

А может быть я его ангел-хранитель,
Я бог его, дьявол и я проклят им?
Идём по одной ариадниной нити,
По узкой тропинке, где тесно двоим.

Жизнь суженых ежеминутно сужает.
Откуда мне знать, есть ли жизнь за стеной?
Наверное, всё, что меня окружает,
И вправду моё, и является мной!

Монах и монарх – не синонимы? Разве?
Увы, в Книге Жизни ошибок не счесть,
И всё-таки мне, этой маленькой язве,
Господь оказал величайшую честь.

Не знаю, как Богу ответить “спасибо”:
Спаси себя Сам? – Я, монарх и монах,
Один. Я просеян судьбою сквозь сито,
Сквозь смысл, который содержит Танах.

Когда-нибудь свалится в обморок Морок,
И истина спущенным щёлкнет курком,
И выстрелит мыслью о том, как мне дорог
Хранитель, с которым я не был знаком!

Кириллу Упатову

Хочется счастья, обычного счастья,
Чтобы из близких никто не болел,
Чтоб у гадалки лишь красные масти,
Чтоб интересное не проглядел,

Чтобы не очень богато – в достатке,
Чтоб целовать кого хочешь – всегда,
Чтоб на курке не твои отпечатки,
Чтоб уставать только после труда,

Чтоб никогда не тягаться со властью.
Чтоб обращать всё плохое в склероз.
Хочется счастья, обычного счастья,
Чтобы не плакать – смеяться до слёз.

Г.М. Куренцу

Ночное небо. Звёздное мерцанье.
Трассирующий лампами пунктир.
Панельный Аргус созерцает мир
В законе отрицанья отрицанья.
Неон красиво разноцветно лжёт.
Обнюхал пёс – таможенный досмотр.
И бизнесмен советский – дядя Фёдор
Из Простоквашино –
в “Пежо”, “Пежо”.

Подобно эху трёх цивилизаций:
Хрущёвки, иномарки и значки
С флажками – те, что носят дурачки,
Мелькающие в бликах папарацци.
А я иду, задумчив, грустен, хмур,
И надо мною баннеры, плакаты.
Я в этом мире гость? Нет! Завсегда! Я!
Меня не греет весь его гламур.

Косметика преобразует космос,
Смотрю на мир, смотрю за пядью пядь...
Я что, во чреве матери опять?
Я пятернёй зачёсываю космы:
На свете пять стихий – и пальцев пять!
Столица вся сверкает, как валторна,
Лишь в чёрном небе вьётся воронья.
Я вспомнил предрождение своё.
О, да! Во чреве матери повторно!

Геннадию Харенко

На рассвете дым лилово-синий
Выдыхает медленно труба.
Без фигур, без плоскостей, без линий –
До смешного страшная судьба!

Я живу, обсчитан и обмерян:
У меня есть даже ИНН.
Я во дне сегодняшнем уверен:
Заклят, проклят и благословен!

Я, сдувая пыль сомнений с веры,
Провожая взглядом дым с тоской:
Просочится через атмосферу,
Там до Господа подать рукой.

Боже мой, абсциссы, ординаты –
Не опишешь ими этот путь.
Путь, влекущий в странное куда-то,
В то, что величают Где-нибудь.

Уездных городков в России тыщи.
Я уезжал из Фрязево домой.
Мы те ещё! Мети ещё! – в Мытищи! –
И заметай путь белоснежной тьмой.

Ни зги не видно: вихрь, пурга и вьюга –
Зимопесчаный смерч, тайфун, буран.
Они нас разделяют друг от друга.
Да. Два материка и океан.

Мечтаю искренне, чрезмерно часто,
Зарекшись о тюрьме да о кресте.
Позёмка Пугачёвым по-над настом
Промчалась на сверхнизкой высоте.

Полкан от снега отряхает лычки.
Лесная, Монино, Бахчиванжи...
Я еду околевший в электричке
К тебе, чтоб отогреться и ожить.

В гениальном течении мыслей
Жизнь клоочет Кастальским ключом,
Ощущения в памяти скисли,
И в крыло переходит плечо.

Сердце рвётся цепною собакой
В амбразуру своей конуры.
Человечек, не якай, не якай!
Ты лишь пешка из чьей-то игры.

Поступаешь по совести редко,
Счастлив, если есть стол и кровать.
Этикет предложил этикетку:
Человеком тебя называть.

Ты живёшь гениально и просто,
Как бактерия, зверь и трава,
И тебе, как и им, светят звёзды –
Ты находишь к их воле слова.

Демиург – кем он был, я не знаю –
Андрогин или гермафродит.
Демон гордо парит надо мною,
Ангел скромно в печёнках сидит.

Звёзды ярче и грёзы реальней.
Виноград, протрезвевший в изюм,
Умоляет умом умывальник –
Дескать, я – годный! Ягодный ум!

Человек человеку собака:
Верен так, что способен загрызть.
Над цветочком, над аленьким маком
Чахнет страсть и трясётся корысть.

“человек” – слово с маленькой буквы.
В человекейнике есть человод.
День раскрыт, как большой ноутбук – вот
И web-камера тут, и я – вот!

Память – вспять, хелицерами пятится.
Совесть – это всего лишь черта!
Здравомыслица спорит с невнятицей,
Спорят логика и красота.

Это заговор Плюса и Минуса –
Проще всех тут живётся Нулю.
Ты-то вынесешь всё – я не вынесу:
Человек, я тебя не люблю!

Пусть мой дух в одиночестве бесится!
Пусть трепещет Вселенная вся!
Здравомыслица и околесица
Пусть по кругу по ней колесят!

Я не смотрю в глаза,
 чтоб не смутить нечаянно,
Блеск солнечного зайчика отвёл от Вас.
Я приручил любовь,
 но страсть не приручаема.
Не удержать никак на месте цепких глаз.

Я приручил себя, я причастился магии
И начал видеть то, чего не замечал.
И из известных букв на купленной бумаге я
Теперь пишу слова – ровесники Начал.

Ваш взгляд, мелькнувший
 вскользь, меня спугнул украдкой.
Подумал про себя, что это Вы не мне
Легко, непринуждённо, улыбчиво, загадкой
Блеснули как маяк в кромешной тишине.

Часы идут, но жизнь, по-моему, застыла,
И сердце ускоряет во мне чеканный шаг.
Смущение моё – неведомая сила! –
Взгляд – и морским узлом завязана душа.

Владимиру Брилёву

Чуть расслабишься – и тут же страхи.
Спишь – не спишь: как на сковороде.
Вроде бы подушка вместо плахи,
И не видно топора нигде.

Свет включить и подремать с ним – что ты?
В голове запуталась строка.
Я живу в каракулях блокнота,
Где за ручку держится рука.

В узком междустрочном интервале,
В телефонах, планах и стихах –
В строчках, что заинтересовали б
Тысячи ермолок и папах.

Веки тонут в омуте-зевоте.
Я ловец и я же свой улов.
Я живу в исчёрканном блокноте
В облике рисунков, цифр и слов.

Жизнь сложилась не совсем такая:
Всё в ней есть – меня в ней только нет.
Разве ж я *тоску* накликаю?
Всем вокруг счастливится – не мне!

Мне не столько грустно, сколько немо.
Капитаном я смотрю в окно,
На зелёный город-микросхему,
“Мамою” зову его – смешно!

Ной открыл дисперсию от призмы,
Не откроешь снова: ной – не ной.
Лишь поборники *матриотизма*
Ощущают Бога за спиной.

Сердце – призма: свет в нём семицветен,
Остальное всё – фантазия.
Я горжусь открытием не этим...
Но и не стыжусь ни в коем разе я,

Что всё время к мистике с поклоном,
Что на микрокалькуляторе
Обсчитал я Лейбница с Ньютоном,
Доказав: их метод устарел.

Винер прав был обо мне во многом,
Жаль, что нам не встретиться опять.
Я тот камень, что был создан Богом,
И который Бог не смог поднять.

Как Ахилл, бегу за черепахой,
На которой три больших слона.
Ангел мой! Терпи меня, не ахай!
Кто же виноват, что жизнь одна?!

С.М. Шахдинаровой

Счастье – жить, как жили наши предки:
Верить в чудеса, любовь, добро.
Всё, что нужно им – росло на ветке
Или было спрятано в ребро.

Мир казался им бескрайней бездной,
За которой ойкумены нет.
Открывали миру неизвестный
Свет, людьми изобретённый свет.

Тёрли палки или били камни,
Или собирали в линзу луч.
Эта философия близка мне.
Пращур был талантлив и могуч.

Свет загнал за дверку в холодильник,
Чтоб его потомок смог найти.
В генотипе оттиск факсимильный –
Маяком на жизненном пути.

Деятельных мало – умных много!
Только не шагнули ни на пядь.
Хилые потомки! Всё, что могут,
Только холодильник открывать!

Понюхать розы и писать стихи
Про розы, слёзы, грёзы и морозы,
Про кровь, любовь и смертные грехи,
Про все *стихотворящие* невроты.

О том, как этот взял и бросил ту,
А та его сменила новым скоро...
Про истину, добро и красоту,
Про корабли и золотые горы.

Писать друзьям, знакомым и родным
О том, что любишь их сильнее прочих.
Писать с утра, в обед и даже ночью,
И вместо рифмы ставить слово “блин”.

Быть честным и не брать слова в заём,
Стрелять прицельно, чтоб не как Аврора.
Писать про теорему Пифагора
В любовном треугольнике своём!

Краснела не бумага – Цицерон,
Когда тирада выдала осечку.
Писать стихи к поэту, чтобы он
Мог ими растопить зимою печку.

Чтоб из трубы плыл углекислый дым,
Чтоб в “Парниковом” оживала флора.
Пиши стихи и знай, что очень скоро
Согреешь всех нас творчеством своим!

СОВРЕМЕННОКИ ОБ АВТОРЕ:

Большой любитель обрезания
Творит стихи за шагом шаг.
И, затаив своё дыхание,
Мы ждём, когда же выйдут в мрак
Три светлых следующих издания:
“Висть”, “ТЬ” и “Мягкий знак”!

Павел А. Васильев

“... разящий одинокий популярный эрудит с
бородой...”

Максим Харченко

По краю листа, чуть слышно,
Ступаю, вдохнуть не смея.
Этот кудрявый Миша
Походит на Моисея.
Идущий путями Бога –
Частицу огня обрящет.
Храмом среди дороги
Возносится куст горящий.

Татьяна Романова-Настина

...Книга стихов Михаила меня, что называется,
“завела” написать на неё “мадригалопародию”. И
последние в ней строчки таковы: “Он – ВЕЖА, он –
ГРИТЁНОК, он – ЗАБУДКА, И он – брюнет со
светлой головой.” Последнее – суцая истина,
чернокудрявая голова ФРИДМАНА, в самом деле,
светлая, ясно и толково мыслящая, а в комплекте с
нею у него – добрая, впечатлительная, застенчивая,
истинно поэтическая душа. Помимо этого, Михаилу
свойствен дар яркой, чеканной афористичности...

Валентина Попова

СО-БЫТИЕ

Баллада о неистовом себе

Рисунок художника **Татьяны Лапиной**, талантливой и самобытной, очаровательной и неподражаемой

В оформлении обложки использованы художественные фотографии работы **Сергея Антончика** (Львов) и **Александра Мариничева** (Рига), за что им огромное спасибо

Отдельная благодарность **маме** и всем близким мне по духу людям, многие из которых, сами того не подозревая, стали героями этой книги.

Книга не имеет оглавления, так как в ней нет ни одной главы, а перечень названий стихотворений с указанием страниц, на которых они расположены, никак не может отражать её содержание – извините.

© **М. Фридман, 2010**

© **Т. Лапина, 2010**

© **С. Антончик, 2010**

© **А. Мариничев, 2010**

Подписано в печать 21.03.2010 г. Формат 70x100 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.